

Лидия Будрик

16+

ВРЕДИНА

Лидия Будрик

Вредина

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Будрик Л. П.

Вредина / Л. П. Будрик — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Моя книга о вражде, которая переросла в светлые чувства - любовь. Молодая и красивая, она временно работает диспетчером. Марина стала на пути водителей, не позволяя им воровать. На что все шоферы обозлились на нее и объявили ей настоящую войну. Как сплелись судьбы героев, и какой будет развязка? На что пойдет девушка ради любимого...

– Марина Александровна, к начальнику! – приоткрывая дверь в бухгалтерию, громко позвала секретарь.

– Зачем? – насторожилась бухгалтер, отрываясь от компьютера.

– Срочно вызывает! – подгоняла ее Ксения. – Давай, быстрее-быстрее!

– Ну, раз срочно... – пожала та плечами и встала со стула.

Она вышла из-за стола, поправила свое платье, которое подчеркивало и без того красивую фигуру, быстренько заглянула в зеркало, что висело у входа, поняла, что с ней все в полном порядке, и уверенно шагнула вперед. Цокая шпильками по керамической плитке, сразу заспешила по коридору в кабинет начальника, понимая, что тот не любит ждать, тем более, если он приказал срочно к нему явиться. На ходу еще раз поправила прическу, осмотрела себя всю, а сама уже вошла и остановилась перед секретаршей.

– Ксюш, что за срочность такая? – шепотом спросила она девушку.

Та улыбнулась ей красивой голливудской улыбкой и тихо ответила:

– Не волнуйся, ругать не будет.

А сама продолжила возиться с принтером, намереваясь распечатать срочные приказы.

– И на том спасибо, – вздохнула с облегчением Сапсонова и постучалась к начальнику.

– Войдите, – отозвался Свиридов из-за массивной дубовой двери.

Марина вошла, вежливо поздоровалась с ним и шагнула вперед к столу.

– Вызывали, Геннадий Михайлович? – спросила она и предстала перед начальником во всей своей красе.

Среднего роста, стройная и красивая, с большими карими глазами, она была одета в облегающее платье темно-коричневого цвета. На ногах кожаные туфли на высокой шпильке. Длинные выющиеся волосы уложены в небрежный пук и придавали прическе некую растрепанность, от чего молодая женщина выглядела еще красивее.

– Вызывал, – деловито отозвался тот, – присаживайся.

Марина отодвинула стул, аккуратно присела на него и, уловив на себе пристальный взгляд начальника, настороженно сказала:

– Слушаю вас.

– У меня к тебе есть одно дельце, – заговорил мужчина, теребя в руке дорогую авто-ручку, – вырuchi.

– Какое? – внимательно смотрела на него бухгалтер.

– Тут такое дело... Некому у меня сейчас на бетонном узле поработать.

– Там же Валя работает, – развела она руками, догадываясь, о чем именно пойдет речь.

– Уволил я ее сегодня.

– За что?! – удивилась Марина Александровна и застыла в немом молчании, понимая, что просто так начальник никого не увольняет.

– Поймал с поличным! – раздраженно ответил Свиридов. – Помогала воровать бетон шоферам! Вот и выгнал ее и еще двух водителей вместе с ней.

– Да...

– Вот те и да!

– Может, не при чем она тут? Вроде... нормальная тетка... – попыталась защитить она женщину.

– Говорю же, поймал с поличным! Что тут неясного? – разводил он руками. – Сам лично вычислил, выследил, поймал и наказал, чтоб неповадно другим было.

– А... я-то тут при чем? У меня у самой работы завал! – взмолилась девушка. – Может, другого кого? Может, новенькую взять?

– Где я тебе сейчас новенькую возьму? – отвечал ей серьезным тоном мужчина. – И всё СМУ стоять будет, пока я буду замену ей искать?

– А почему меня?! – недоумевала она. – Вдруг я тоже воровать стану?

– Ты не станешь, я тебя знаю, – стоял на своем Геннадий Михайлович. – Ты ответственная, честная и принципиальная. И воровать ты не будешь – это факт!

Сапсонова долго и молча смотрела на него, а потом жалобно заныла:

– Я вас умоляю, ну... попросите девочек...

– Нет, поработаешь месяц, а там и замена найдется.

– Месяц?! – вскрикнула Марина. – Да... я за месяц там вам... такого понаделаю! Потом еще и меня уволите!

– Не наделаешь! – твердил свое начальник. – А я обещаю, что найду тебе замену. Скоро найду!

– Я вообще-то бухгалтер! – напомнила ему сотрудница

А сама жутко не хотела идти работать на растворный узел, зная и понимая, что найти общий язык с шоферами она точно не сможет.

– Так, считать умеешь! Документы вести тоже! – погрозился на нее Свиридов. – А там и ума никакого не надо. Отпустила – записала. Приняла заявки – записала, вновь отпустила.

Девушка под села к нему ближе и взволнованным голосом стала объяснять:

– Геннадий Михайлович, миленький, я уже один раз пострадала из-за своей честности и порядочности! Ну, не губите вы меня! Там же одни мужики! Ну, не умею я с ними ладить! Они же меня потом на своих машинах переедут и не подпрыгнут даже! Я очень вас прошу, я вас умоляю!

– Марина Александровна, лапушка ты моя! Чего же ты мужиков-то боишься? – смотрел на нее с умиленно-ласковой улыбочкой начальник СМУ. – Ты молодая, одинокая, красивая, глядишь, и мужа себе найдешь! Сколько тебе? – задался он вопросом. – Двадцать восемь? Во-о-от! Пора тебе мужика нового искать!

– Нет уж, – серьезно ответила она, усаживаясь на стуле поудобнее, – один раз обожглась, больше не хочу. От развода еще не отошла. Не нужен мне никто.

– Не будешь же ты всю жизнь одна жить? – не отставал от нее Свиридов.

Вздернув свой аккуратный носик вверх, Марина уверенным тоном напомнила:

– А я не одна, у меня Колька есть. И нам с ним вдвоем очень даже хорошо и весело. И никто нам не нужен.

– Колька твой вырастет и уйдет от тебя. А ты останешься на старости лет одна!

– Хватит меня сватать, – решила сменить тему девушка. – И если уж найду себе мужа, то точно не здесь и не на растворном узле.

– Тогда сегодня же и заступай.

– Нет, я не давала своего согласия! – взволнованно заговорила бухгалтер. – Лето впереди! – напомнила она. – Я в отпуск хочу!

– Вот и пойдешь в отпуск. Найду тебе замену, сдашь свой пост, награжу тебя премией за хорошую работу, и иди в свой отпуск!

– А я буду плохо работать! Я буду им тоже помогать воровать! – уперлась она и никак не хотела соглашаться на такую авантюрную работу. – Ну, Геннадий Михайлович, миленький, ну... не губите вы меня! – а сама подалась вперед, с надеждой глядя в его глаза.

Тот вздохнул с сожалением и настойчиво потребовал:

– Сейчас же идешь на растворный узел и начинаешь ра-бо-тать!

И видя, что сотрудница вновь хочет возразить, пообещал:

– А я иду следом и помогу тебе во все вникнуть.

– Тогда я уволюсь, – отвернулась от него Марина, объявляя свой протест.

– Куда ты уволишься? – протянул Свиридов. – Я тебе уволюсь! Бросать коллектив в трудную минуту, это что? Это настоящее предательство! Это равносильно тому, что Родину предавать, когда на нее варвары напали!

– Ну, что я им там всем скажу? – вновь жалобно взмолилась девушка, сдвинув свои тоненькие брови в кучу. – Буду с ними ругаться и воевать? Их много, а я одна!

– Если что, сразу звони мне, а я с ними сам разберусь, – стоял на своем мужчина.

– Хотите стукачку из меня сделать? Да, они меня потом раздавят на своих КамАЗах и в тот же бетон закатают!

– Подвозить будут! Помогать станут! Ты же одинокая, красивая, молодая! Кто же давить-то посмеет такое сокровище?

– Все, я увольняюсь, – выдала Марина Александровна и словно капризная девчонка надула свои пухлые губки.

– Так, – строго сказал Геннадий Михайлович и встал со своего кресла, – пошли. Я иду с тобой и бояться тебе нечего.

– Ну...

– На неделю! От силы – две! Край – месяц! – перебил ее Свиридов и вышел к ней из-за стола.

Высокий, худощавый, в фирменном темно-сером костюме тройке в мелкий рубчик, в светлой рубашке, при галстукке, он стал рядом с ней, с надеждой глядя в её глаза.

– А свои дела мне кому сдавать? – решила уточнить она и встала перед ним.

– Все передашь Виктории, а с ней я сам поговорю.

– Смерти моей хотите? – спросила бухгалтер и глубоко вдохнула воздуха, изображая, что хочет надышаться перед своей кончиной.

Мужчина расплылся в широкой довольной улыбке и ласково ответил:

– Счастья тебе хочу! Большого человеческого счастья! И пусть оно у тебя будет.

– Если что, я напишу в записке, что в моей смерти прошу винить Свиридова.

– Так, умирать отменяется, – стараясь быть строже, ответил он и подтолкнул ее к выходу. – Бетонный узел стоит. Вся стройка стоит, Маришечка! И все ждут раст-во-ра!

Делать нечего, сотрудница повернулась и шагнула к выходу. Они вышли из кабинета, начальник прикрыл за собой дверь и дал указания секретарше:

– Я буду через час. Скажешь всем, что я на объекте.

– Хорошо, Геннадий Михайлович, – с улыбкой отозвалась Ксения и весело подмигнула Марине, давая понять, что она ее полностью поддерживает.

Сапсонова зашла в кабинет, взяла свою сумочку, посмотрела на Вику и грустно произнесла:

– Все, ухожу. Считайте меня смертницей.

– Да ладно, ладно тебе! – от двери махнул на нее рукой Свиридов. – Скоро вернешься в целости и сохранности!

– А вы это... куда ее?! – настороженно поинтересовалась Виктория, сидя за своим компьютером.

А сама подалась вперед, желая вникнуть во все и сразу, и узнать, куда отправляют ее лучшую подружку.

– Замуж выдаю! – всплеснул руками начальник. – Быстрее! – поторапливал он. – Вся стройка стоит!

– Куда он тебя? – шепотом переспросила Кравцова, поглядывая на подругу, и замерла, боясь пропустить что-то очень важное в ее ответе.

– На растворный узел, – недовольно ответила ей Марина.

– За что?! – громко возмутилась девушка и резко встала, нависая над своим столом.

Геннадий Михайлович погрозился в ее сторону и строго ответил:

– Много будешь знать, скоро состаришься! Идемте уже, Марина Александровна! Все стройки пищат, и всю плешь мне с утра проели!

Сапсонова тяжело вздохнула, махнула Вике рукой и обреченно пошла к двери. Постукивая своими каблучками, она вышла из бухгалтерии и несмелой походкой направилась к выходу. А следом уже торопился Свиридов, на ходу разговаривая с кем-то по мобильнику.

К нему тут же подошел механик, но тот замахал перед его носом рукой, давая понять, что говорить с ним он сейчас не может. А сам спешно вышел за своей подчиненной на улицу.

Стоял апрель месяц. Ярко светило весеннее солнце над головой. Распускались первые листочки, а легкая дымка зелени окутывала все кустарники и деревья. В воздухе пахло весной и этим приятным сладковатым запахом распускающихся тополей.

– Красота-то какая, а мы в офисе сидим! – качнул от восторга головой мужчина, вдыхая весенний воздух всей грудью.

Он тут же убрал сотовый в карман своего пиджака и, указывая рукой на дорогу, пропустил сотрудницу вперед.

– Ага, а мне теперь сидеть и этот бетон нюхать. И дышать им... – негодовала Сапсонова, украдкой поглядывая в его сторону.

Они шли рядом, он высокий интересный мужчина средних лет, и она – молодая, изящная и красивая. На них оглядывались рабочие, провожая пару долгими внимательными взглядами.

Мимо, громыхая своими прицепами и пустыми кузовами, неслись КамАЗы и грузовики, на ходу громко сигналили, приветствуя, скорее, Свиридова.

– Это они тебе сигналият, – улыбнулся начальник, заглядывая ей в глаза.

– Как только они узнают, кем я там буду работать, то сигналить они больше не будут, – ответила Марина, а в душе очень даже переживала по поводу таких резких перемен в ее жизни.

– Вот смотрю на тебя и думаю: почему какой-нибудь дурнушке везет на мужиков, а такой вот красивой, умной и образованной нет?

– Дурнушка-то промолчит, а умная в дурь прет, – съязвила в ответ она. – Вот и получается, что везет первым.

– Что от мужа сбежала?

– А вам зачем знать? Вы же меня замуж не позовете. Зачем спрашивать?

– Да так, хотел поближе тебя узнать.

– От начальства лучше держаться подальше, – озабоченно отозвалась девушка, все еще переживая по поводу ее нового назначения на этот «ужасный» бетонный узел.

– Не всегда, – не согласился с ней мужчина. – Иногда друг-начальник всё сделает для своих подчиненных.

– А вы меня на погибель толкаете. Из этого следует, что я вам – не своя! – с укором взглянула на него Марина.

– Обещаю, что потом выполню любое твое желание.

– А если оно будет из ряда вон выходящее? – оживилась сразу она.

– А я люблю экстрим! – признался Геннадий Михайлович, уверенно шагая по дороге.

– Ой, ловлю на слове! Желание можно уже загадывать? – весело выдала она, поджав свои губки.

– А вот... выполню все, что не попросишь! – с задором в голосе, ответил ей начальник.

– Безвозмездно?

– Абсолютно! – сыпал он обещания, провоцируя сотрудницу на азартный поступок.

– Я подумаю!

– Подумай.

Всегда строгий и волевой Свиридов, вдруг сделался мягким и веселым, чем очень удивил свою подчиненную. Они шли рядом и весело переговаривались. На душе Марины повеселело. Она знала, если начальник что-то пообещает, то всё сделает, ничего не упустит, никого не забудет и свое обещание сдержит. За то и уважали его все работники СМУ. Вот и сейчас,

заинтригованная таким предложением, она верила и не сомневалась, что тот выполнит любую ее просьбу, естественно, в пределах разумного.

Они подошли к раствору узлу, а к ним разом заспешили со всех машин водители и возмущенно загалдели:

– Когда раствор будет?

– Где Валентина?

– Простой за чей счет?

– Опять без зарплаты останемся!

– Всё, тихо! – рявкнул на них Геннадий Михайлович. – Валентина уволена, и вы это знаете! Вместо нее будет работать Марина Александровна! – пояснил он, указав рукой на сотрудницу. – Прошу любить и жаловать! И еще, – предупреждал он, – поймаю кого с леваком, выгоню сразу по тридцать третей!

– А мы и не ворует! – развел руками Воронин, давая понять, что здесь собрались самые честные люди.

– Еще раз повторяю, – потряс Свиридов своим указательным пальцем перед шоферами и внимательно всмотрелся в их лица, – кого поймаю, лишу всего и сразу! Выдеру штраф и выгоню к едрени-фени!

– Да, кто ворует-то?! – развел руками Галкин. – Все ходки записаны! Диспетчер все считает! Раствор доставляется на объекты по заявкам! Как тут украдешь?

– А-а-а! – качнул головой начальник. – А-то я вас не знаю! – язвительно выдал он, мгновенно меняясь в лице. – Двоих уже уволил сегодня, кто следующий покажет время! Не пощажу никого, даже свояков! – предупредил он, кинув грозный взгляд на родственника, что стоял чуть в стороне.

Тот пожал плечами, давая понять, что он полностью согласен с таким заявлением.

– А Мариночка у нас замужем? – вышел вперед Муравьев, с наглой улыбкой осматривая девушку с головы до ног.

– А это пусть она вам сама скажет, – отговорился Свиридов, – я чужие тайны не выдаю.

А сам взглянул на Сапсонову и увидел, как засмущалась она под натиском мужчин и под их пристальными и язвительными взглядами.

– Все! За работу! – скомандовал он. – Сейчас начнем мешать раствор и все под загрузку!

– Мариночка, вы нам не ответили, вы замужем или как? – преградил ей дорогу красавец парень, надвигая бейсболку себе на глаза.

– Замужем, – соврала она, понимая, что так будет лучше для всех, а для нее особенно.

– Ах, как жаль! – качнул тот головой и отошел чуть в сторону, а сам все разглядывал её с головы до ног. – А я уж обрадовался, что судьбу свою встретил.

– Только попробуйте мне ее обидеть! – погрозился Свиридов в его сторону своим увесистым кулаком. – Дело будете иметь со мной!

– Ясно, чья краля пожаловала! – с усмешкой послышалось из толпы, и все шофера заулыбались, понимая намек товарища.

Геннадий Михайлович подтолкнул бухгалтера вперед и уверенно сказал:

– Пошли.

Все разом расступились, пропуская начальство вперед, а вслед Марина вновь услышала язвительный голос:

– Будет вам теперь бетон! Такая цаца пожаловала!

«Ну, я вам устрою!»! – с обидой подумала она и уверенно шагнула в открытую дверь.

Они вдвоем поднялись по ступенькам на эстакаду, и Свиридов с ходу стал рассказывать, что и как надо делать: как принимать песок, как принимать бетон, как делать замесы и как загружать машины. Он тщательным образом объяснил: где надо все записывать; как отмечать

путевки; как связываться с шоферами и объектами, на которые будет доставляться готовый бетон.

– Все рейсы пишешь сюда, – указал он, раскрывая перед ней большой журнал. – Сколько, например, Иванов сделал ходок и куда? Все отмечаешь, ничего не упускаешь. Но на этот раствор должна прийти заявка, с того объекта, на который он этот раствор должен будет отвезти. В заявке три бетономешалки, а Иванов стал под загрузку четвертый раз. Все! Сразу спрашиваешь, куда еще намылился? Ясно, что налево. Тут надо следить за ними строго.

– Я поняла, – обреченно вздохнула Марина. – Пожалуйста, найдите мне поскорее замену.

– Обещаю, что скоро вернешься на свое место! – с любовью и нежностью смотрел на нее Свиридов.

– Тогда... приступаю к работе?

– Приступай, – благословил ее начальник и вздохнул с облегчением. Замена нашлась, а это значит, что вся стройка вновь заработала.

Уже через час Сапсонова осталась одна и лихо управлялась со всеми заказами. Ей звонили с участков и требовали раствор, оставляли заявки на завтра, а снизу уже сигналила очередная машина, которая подъехала под загрузку.

Мужчины и парни забегали в диспетчерскую посмотреть на симпатичную девушку, да к тому же протеже самого начальника СМУ.

Между шоферами сразу пробежал слухок, что Марина принципиально честная и, скорее всего, нравится Свиридову, и с ней надо быть очень осторожными. Многим – это стало в тягость, ведь своровать раствор теперь будет намного труднее. Валентина была свой человек, и с ней всегда можно было договориться. Но как любили поговаривать между собой водители: «Не своруешь – не проживешь». И отказаться от левого заработка было практически невозможно, потому что это уже вошло в такую привычку, что напугать их или запретить возить бетон налево было делом сложным. Все были уверены, как воровали, так и будут воровать, только надо быть немного осторожнее.

Марина сидела за столом и вникала в свою новую работу. Она тут же повесила на стену календарь и как солдат новобранец стала отмечать на нем дни своего отбытия на растворном узле. Первый день она обвела черной авторучкой, а вот последний, что будет через месяц, она выделила красным стержнем. Девушка тяжело вздохнула, но понимала, что надо выручать начальство, тем более, он обещал выполнить ее любую просьбу. «Интересно, – подумала она, – что же мне у него попросить «этакого»!»! Но ее тут же отвлек от мыслей очередной сигнал, и она стала выдавать новую порцию раствора, загружая бетономешалку.

Первая половина дня прошла быстро. И уже на обеде в столовой она пожаловалась Вике:

– Представляешь, они думают, что я девушка Свиридова! – сидя за столом, тихо рассказывала Марина подруге.

– Да ладно?! – недоумевала Кравцова, а сама ела оладушки, запивая компотом.

– Он им погрозился, что если они станут меня обижать, то будут иметь дело с ним. Вот они сразу и решили, что я его любовница. Я думала, что со стыда сгорю!

– Слушай, – подалась вперед Виктория, – это же лучше для тебя. Не станут лапать, кто попало!

– Я им полапаю! – грозно отозвалась она, украдкой поглядывая по сторонам, не желая, чтобы их услышали.

– А Гена на меня всю твою работу свалил, представляешь? – тихонько возмущалась Вика, расправляясь с очередным оладушком.

– Вик, – пронила Марина, – ты приходи ко мне иногда. Мне там так страшно одной.

– Приду, – успокоила ее подруга, – теперь обязательно приду. Посмотрю на мужчин, может, глянется мне какой! – кокетливо проговорила она, передернув бровями.

– Я даже календарь завела, – снова пожаловалась она, – буду там дни отбывания наказания отмечать.

– Да ладно, – махнула рукой та, – все будет тип-топ!

Марина Александровна тяжело вздохнула и задумчиво спросила:

– Когда оно будет?

– Вот... надо было им попасться! – вновь возмутилась Кравцова. – Не могли по-тихому своровать!

Сапсонова посмотрела на нее изумленно и таким же удивленным голосом спросила:

– Ты хочешь сказать – пусть воруют?!

– Ну и что! – развела руками та. – Жить всем надо!

– А почему ты не воруешь?

– Я?! – задалась вопросом Вика, указывая на себя ножом.

– Да, ты!

– А что мне воровать? Скрепки, да бумагу печатную?

– Во-от! Живешь же ты на одну зарплату. Не воруешь! А они что, беднее нас с тобой? – не соглашалась с ней Марина. – Ты сама им зарплату начисляешь и видишь, по сколько они зарабатывают! Что, думаешь, мало?

– Слушай, всю жизнь бетон воровали и налево возили, – махнула безразлично рукой Виктория, чем больше завела свою подругу.

– А при мне не будут! – упрямо твердила девушка, стараясь говорить тише, чтобы их никто не слышал.

– Тогда тебе там точно не работать. Они закатают тебя в цемент и вывезут на свалку.

– Пусть только попробуют! – громко шепнула она и вызывающе оглядела всех водителей, что сидели за столиками и обедали.

– Теперь я понимаю, почему Свиридов попросил именно тебя там поработать, – услышала она голос Вики.

Марина перевела взгляд на неё и уверенно выдала:

– Потому что у меня не украдут!

– Потому, что ты упертая!

– И это факт! – согласилась она. – И разбазаривать чужое добро никому не позволю! Пусть устроятся на вторую работу, если денег дома не хватает. А воровать я им не дам!

– Ой, смотри! – вновь предупреждала ее Виктория. – Обозлятся мужики, что угодно сделать могут.

Вскоре подружки отобедали и разошлись по своим рабочим местам. Вторая половина дня прошла спокойно. Водители были милы, добры, и все старались завести хорошие отношения с такой симпатичной девушкой. Некоторые привозили шоколадки, Марина пыталась отказаться от них, но мужчины клали лакомство на стол и уходили, в надежде, что их обязательно запомнят и заведут с ними самую доверительную дружбу. Но Сапсонова была не из тех, кого можно было вообще чем-то подкупить или упротить о невозможном, тем более если это касалось воровства, да еще и на работе. Она складывала шоколад в стопочку, на случай, если водитель вернется с упреками, а она тут же вернет ему его угощение обратно.

Вечером после работы девушка заспешила на остановку, надо было успеть за сыном в садик.

Неожиданно дорогу ей преградила серебристая иномарка. Дверца с шумом распахнулась, и из нее вышел здоровый крепкий мужчина лет сорока от роду. Ей показалось, что она его уже где-то видела. Так и есть, он приезжал под загрузку, но всего пару раз, а потом исчез из поля зрения.

– Добрый вечер, Мариночка, – с улыбкой на лице поприветствовал ее Серегин. – Садись, подвезу.

– Нет, спасибо, – отказалась она и попыталась обойти машину.

– Почему? – протянул он и стал перед ней, преграждая ей путь.

Марина нагрядила его строгим взглядом и таким же серьезным голосом пояснила:

– Я не сажусь в машины к незнакомым мужчинам. Еще с детства мама приучила.

– Так... мы уже знакомы! – развел руками водитель и шагнул к ней ближе.

Он стал совсем рядом и лукаво пояснил:

– Мы теперь работаем вместе, могу же я подвезти коллегу по работе!

– Коллеги по работе вам шофера. А я у вас человек временный. Зачем же привыкать? – настороженно смотрела на него девушка.

– Работаем-то в одном СМУ, – стоял на своем мужчина, – все равно получается, что с одной кормушки кормимся.

– Я не поеду с вами, – уверенно заявила она, сделав шаг в сторону.

– Я даже растерялся! – пожал Серегин своими крепкими плечами и шагнул за ней следом. – Мне даже неудобно как-то! Все сами просят, что бы я их подвез, а тут я предлагаю свои услуги, и мне отказ?

– Вы езжайте, я на автобусе доеду.

– Так не пойдет! – возразил он. – Я еду мимо садика, и вы можете спокойно доехать со мной. Что тут такого страшного?

– Я вам ответила, извините, мне на автобус надо успеть, – отговорила Марина и, громко цокая своими каблучками, заспешила на остановку.

– Подумаешь! Фифа мне тоже! – проговорил возмущенно мужчина, провожая ее обиженным взглядом.

От таких упреков на душе даже как-то повеселело. «Да фифа, да недотрога! А вы не подходите и не спрашивайте, мне и без вас хорошо». Она прошла и остановилась на остановке, а следом увидела, как мимо нее на большой скорости промчалась серебристая «Ауди», за рулем которой сидел Серегин. Девушка заметила его недовольное выражение лица и тихонько усмехнулась: «Подумаешь, на иномарке! Я тоже скоро куплю»!

Подошел рейсовый автобус. Сапсонова уверенно вошла в салон, протянула деньги кондуктору и стала у окошка. Автобус тронулся, а она смотрела через стекло и думала о своей машине, которую намеревалась приобрести в скором времени. Марина представила, как будет сама ездить на работу, как станет забирать сынишку из садика, и никто не остановится перед ней вот так нагло и не станет с намеками предлагать подвезти ее куда-либо.

На светофоре автобус остановился, но девушка не сразу заметила, что рядом остановился и КамАЗ. Из кабины, жестами и крича в приоткрытое окошко, знакомые ей уже шофера предлагали перебраться ей к ним в машину, и они обещали подвезти её, куда ей будет надо. Их было трое, и она сразу узнала водителя за рулем. Он сегодня подъезжал под загрузку шесть раз. Это был Воротнин Олег, серьезный и задумчивый мужчина тридцати двух лет. Он посматривал в ее сторону, выглядывая со всеми в окно КамАЗа, а рядом с ним сидели его закадычные друзья – Воронин и Тарасов.

Она мотнула головой, давая всем понять, что никуда с ними не поедет.

Шофера что-то кричали ей, зазывая руками к себе, но тут загорелся зеленый свет, и автобус тронулся с места. Набирая скорость, он быстро поехал вперед, оставляя замешкавшихся товарищей позади.

На душе сразу повеселело. Марина тихонько усмехнулась и взглянула на свои наручные часы, стрелки показывали без четверти шесть. Она явно успевала в садик и вздохнула с облегчением.

Тут рядом снова показался КамАЗ, и все те же водители стали вновь махать ей руками, приглашая к себе в машину.

Девушка резко отвернулась от них, не желая продолжать это бессловесное общение, зная заранее, что ничего из этого не выйдет. Она не видела, в каком направлении уехали те мужчины, вскоре вышла на остановке и легкой походкой заспешила к садику.

Группа, в которой был ее Коляка, гуляла на летней веранде. Завидев сынишку, она подошла ближе и тихо позвала:

– Коля!

Мальчик резко обернулся, увидел ее и бросился навстречу. Он подбежал, сразу обнял маму за ноги, а потом посмотрел ей в глаза и спросил:

– Ты что так долго? Всех уже забрали.

– У меня новая работа, и я к ней никак не привыкну, – оправдывалась Марина, а сама мило улыбнулась и погладила его по головке.

– Тебе на ней трудно?

– Нет, не трудно, просто... она мне не нравится.

– Тогда смени её, – внимательно слушал ее сын, давая дельные советы.

– Пока не могу, – ответила она и поцеловала его в лобик.

– А когда ты сможешь?

– Скоро.

Коля махнул своей пухленькой ручкой и с пониманием пообещал:

– Ничего, я подожду.

Они попрощались с воспитателем, взялись за руки и весело зашагали к дому. На душе было хорошо и спокойно, рядом с ней идет ее сынишка, и они счастливы. И ничего, что ее перевели на растворный узел, и даже не перевели, а попросили временно поработать, пока не найдут замену. Но потом все станет на свои места, и она вновь вернется в свою бухгалтерию и станет там тихонечко работать, зарабатывая на пропитание себе и своему Коляке...

На следующий день Марина вновь столкнулась с Серегиним. Он первым приехал под загрузку, сразу поставил КамАЗ под бункер, а сам выпрыгнул из машины и уверенной походкой заспешил в диспетчерскую. Мужчина взошел на эстакаду, весело поздоровался с ней и опустился на свободный стул рядом.

– Как я сегодня всех опередил, – похвастался он, нагло рассматривая ее всю. – Готов к труду и обороне!

– От кого обороняться собираетесь? – с иронией в голосе поинтересовалась она, ловя на себе пристальный взгляд этого самоуверенного самца.

– От таких красавиц как ты! – ответил тот нараспев и подался вперед, внимательным образом заглядывая ей лицо.

– Что, прохода не дают? – не глядя на него, съязвила в ответ девушка.

Не стесняясь, водитель глазами пробежался по ее стройной фигуре, а потом взглянул на нее лукаво и уверенно выдал:

– Еще как не дают!

Сапсонова почувствовала, как шофер подсел к ней совсем близко, и мгновенно насторожилась. Она резко отстранилась от него, строго взглянула в его нагло прищуренные глазки, давая понять, что с ней эти номера не проходят.

– Вам лучше уйти отсюда, – кивком указала она на открытую дверь.

– Почему? – живо рассматривал он ее всю. – Мужа, насколько я информирован, нет. Ревновать некому.

Она повела бровями и так же загадочно спросила:

– А если... есть кому?

Серегин долго смотрел на неё, словно хотел понять – врет она сейчас или у этой смазливой бухгалтерши действительно кто-то есть. Потом не удержался и тихо заговорил:

– Тут слухи по СМУ ходят, что ты «любимая девушка» нашего начальника? Так ли это? Или врут мужики?

Марина вскинула свои тоненькие брови и дерзко ответила:

– А что... если так?

Мужчина замолчал, рассматривая ее всю, словно изучал её и пытался понять, что за пташка перед ним сидит. Затем усмехнулся и уверенно напомнил:

– А он, между прочим, женатый человек! И хороший семьянин! И я очень хорошо знаю его жену, потому что часто бываю у них дома.

– Даже так?! – язвительно отвечала она. – Уйдите, пожалуйста! – строго потребовала диспетчер, указывая глазами на выход.

– Боишься?

– За себя я совершенно спокойна! Уходите и не мешайте работать, – злилась девушка, – а-то будут еще болтать, что я и ваша любовница.

– Я был бы очень рад! – восторженно развел руками тот, а сам хлопнул руками по своим коленям и встал. – Могу подвезти до дома вечером.

– Я люблю на автобусе ездить, – не сдавалась она.

Но очень боялась, что этот наглый типчик может надолго пристать к ней.

– Там душно и тесно, – стал отговаривать ее водитель. – А еще там вечно от кого-нибудь пахнет, или перегаром, или потом. А-то и тем и другим вместе.

– Ничего, не из графьев, как-нибудь переживу.

– Жаль, – грустно улыбнулся он и вновь засмотрелся на нее.

– Ваша машина загрузилась, можно отправляться на объект, – напомнила диспетчер и отвернулась от него, делая запись в журнале.

– А если я налево сверну?

Не глядя на него, Сапсонова тут же напомнила:

– Тогда я буду вынуждена написать на вас докладную.

– Ты что, ябеда?! – по-детски смешно спросил ее шофер.

Она чуть не рассмеялась, но справилась с эмоциями и серьезно ответила:

– Это называется немного по-другому, что я со всей ответственностью подхожу к доверенному мне делу.

– Но я же не у тебя сворую!

– Я вообще по жизни не люблю воров, хамов и тунеядцев.

– Вот как! – воскликнул мужчина и вновь склонился в ее сторону. – И к какому разряду я отношусь?

– Пока ни к какому. Но если своруете, я заложу вас начальнику СМУ.

– Ты не просто ябеда, ты еще и вредина! – смотрел на нее в упор Серегин.

– Вот такая я! – приподняв брови, азартно ответила ему девушка, давая понять, что договориться с ней практически невозможно.

– Слушай, ты! – резко заговорил шофер и навис над ней всем своим крепким телом. – Думаешь, если вся такая смазливая и ничего из себя, то можешь диктовать тут свои условия?

– Я никому ничего не диктую, я тут работаю. Временно, – уверенно пояснила она.

– Вот и работай! И оставайся при этом человеком!

– Я свой облик не теряла, – дерзила в ответ диспетчер, стараясь не смотреть на него.

– Вот ты как! – с наглой ухмылкой разглядывал ее водитель. – Думаешь, если протеже Свиридова, то можешь творить тут все, что захочешь?

– Творите вы, а я работаю здесь по приказу начальника СМУ. И закрывать глаза на ваше воровство не собираюсь!

– Честная и принципиальная?

– Ага.

– Посмотрим! – предупредил он и шагнул от нее к двери, с шумом выходя из диспетчерской. – Фифа! – обозвал он, сбегая вниз по ступенькам.

Его тяжелые шаги были слышны уже где-то внизу, а Марина выглянула в окошко и вздохнула с облегчением.

Шофер быстро забрался в КамАЗ, сразу завел его и резко отъехал от растворного узла. На его место тут же подъехал другой миксер и стал под загрузку.

Она стала загружать его, а сама делала записи в журнале, стараясь ничего не упустить.

На эстакаду вошел Воротнин, серьезный и слегка хмурый он с порога спросил:

– Заявки с шестого объекта были?

Девушка мельком взглянула в его сторону и ответила:

– Были, – и отвернулась, продолжая записывать рейсы бетономешалок.

– Если можно, меня туда отправь. Пожалуйста, – попросил он.

– Ну... если это так важно...

– Мне просто туда очень нужно. Вот и прошу отправить именно меня на тот участок.

– Хорошо, – согласилась Сапсонова, не желая ссориться с очередным водителем.

– Спасибо, – сухо поблагодарил ее Олег и пошел обратно.

Он спешно сбегал вниз по лестнице, на ходу достал сигарету, так же быстро вышел на улицу и, уже стоя под эстакадой, закурил.

Зазвонил сотовый. Воротнин достал мобильник, включил его и тихо ответил:

– Да, Серег.

– Ну что, ты приедешь сегодня?

– Думаю, да.

– Тогда, как договорились?

– Я попробую, но не обещаю. Валентину вчера уволили, – стал разяснять он, – на ее место пришла бухгалтер. Говорят, что временно, но она такая вред-на-я! – протянул Олег звучно и посмотрел вверх на окна диспетчерской. – И поговаривают, что она дамочка нашего начальника СМУ.

– Слушай, не подведи. Позарез бетон нужен на даче! А я тебя прикрою.

– Я же сказал, попробую! – соглашался водитель, выпуская дым в сторону.

– Тогда лады.

– Если что, перезвоню, – пообещал он и отключил телефон.

А сам выбросил окуроч в урну, сразу шагнул к машине и не спеша забрался в кабину. Прикрывая за собой дверь, он тут же включил музыку, в голове прокручивая план, как занывать миксер бетона для друга. Мужчина задумчиво смотрел вперед под эстакаду и слушал приятную мелодию.

КамАЗ загрузился, он завел двигатель и медленно поехал вперед, осторожно выезжая из под бункера.

На шестом участке бригадиром работал его друг Сергей, который затеял перестраивать свою старенькую дачу на новую. И конечно же надо было ему помочь, а-то какой же он тогда друг. Но со вчерашнего дня на них была объявлена облава со стороны Свиридова, а это значило, что своровать бетон теперь будет отнюдь не просто. Серега конечно же его прикроет и скажет, что он приезжал на тот объект и привозил туда раствор, и сам лично отметит ему рейс. Но если кто прикопается, то вычислить их будет совсем несложно. Всегда найдется человек, который с радостью сдаст их со всеми потрохами и заявит, что никакого раствора им вообще не привозили. Но риск благородное дело, и как любили говорить между собой шофера: «Кто не рискует, тот не пьет дорогого коньяка». А коньяк они любили, да к тому же хороший и из дорогих брендов.

Первую машину Воротнин сбавил по-быстрому, даже никто не заметил, что он заезжал к другу на дачу. Потом они договорились, что вторая ходка будет ближе к вечеру, чтобы началь-

ство ушло из офиса. Целый день он возил бетон на другие объекты и только к концу рабочего дня загрузился и поехал якобы на шестой участок.

Погода стояла по-весеннему теплая, солнечная. Распускались первые листочки на деревьях. Весело щебетали птички над головой, наполняя воздух своим удивительным пением.

Дворники убирали улицы и скверики, выметая прошлогодний мусор, и наводили порядок во всех уголках этого маленького и уютного провинциального городка, который жил своей тихой и спокойной жизнью.

В преддверии лета дачники и частники старались обновить свои дома и домики, подлатать и подладить веранды, парники, дорожки и подъезды к своим домам и гаражам. Вот и старались они договориться с шоферами, кто на миксер бетона, кто на половину, потому что выходило дешевле, чем купить раствор в организациях. А водители имели с этого хороший куш, и были довольны обе стороны.

Марина закрыла диспетчерскую и заспешила к выходу. Неожиданно зазвонил телефон, она достала из сумочки свой сотовый и на ходу ответила:

– Да, Свет?

– Мариш, ты уже ушла с работы? – спросила ее Пимпина.

– Нет, только иду.

– Давай я тебя подвезу, – предложила подруга. – Я тут у вашей конторы стою.

– Хорошо, я уже бегу, – сразу согласилась Сапсонова.

Через несколько минут они сидели в новеньком белом «Мерседесе» и радостные, от такой неожиданной встречи, весело разговаривали.

– Тебя как сюда занесло? – повернулась к ней Марина, усаживаясь на сиденье поудобнее.

А сама осмотрела весь салон и осталась довольна ее покупкой.

– Круто! – похвалила она и вновь взглянула на подругу.

– Мы же квартиру получили! – сообщила ей Пимпина, не скрывая своей радости.

– Вот это новость! Ура! – вскрикнула девушка и кинулась её обнимать.

Потом вновь посмотрела на Свету и радостно спросила:

– И новоселье будет?

– А как же! Вот ремонт сделаем и решим, где будем гулять, дома или в кафе.

– Я бы лучше в кафе.

– Ты так думаешь?

– Ремонт сделаете, мебель купите, а гости придут, напьются и все испачкают. А кто-нибудь специально опрокинет на дорогой ковер стакан красного вина или винегрет.

– Точно! – согласилась та. – Что дома париться? Соберемся все в кафешке, там и попросторнее будет.

– А если тепло будет, то можно на природу пойти, шашлычок пожарить.

– Надо с Сашкой все обговорить.

– Дожить бы до вашего новоселья, – вздыхая, проговорила Марина.

– Доживешь, что с тобой станется? – смотрела на нее удивленно Света.

– Да... мужики бойкот объявили, не даю им воровать. Уже с угрозами приступают, – пожаловалась она на свою новую работу.

– Вот это новость! – оторопело от таких признаний Пимпина.

– Говорила Свиридову: «Не хочу туда идти»! А он: «Помоги в трудную минуту! Потом проси, что хочешь»! – передразнила она начальника, посматривая в окно иномарки.

– Да ладно, – стала успокаивать ее подруга, – может, тебе глаза на все закрыть?

– Нет уж! – не соглашалась на такие снисхождения Сапсонова. – Попадется кто, сразу докладную напишу! Я не ворую, ты не ворует, почему шофера должны воровать? Зарплата у всех хорошая, чего не хватает? Экстрима? Вот я им и устрою этот экстрим с облавой!

Света не на шутку встревожилась, понимая, во что именно может вылиться вся эта нехорошая затея. А сама задумчиво проговорила:

– Ой, не нравится мне все это.

– Я вас не узнаю! Вика тоже твердит: «Закрой глаза, всю жизнь воровали тот бетон»! Девочки, я так не могу! Мне доверили работу, и я буду делать её на совесть!

– Мариш, я за тебя волнуюсь.

– Представь, я, будучи бухгалтером, стану делать неправильные начисление и отчисления. Что тогда будет? Те же водители придут и устроят мне бучу. Так что, извините! Воровать никому не дам.

– Конечно, ты права, – согласилась с ней Пимпина, – не пойман не вор, а уж если попался, то будь добр отвечать.

Марина всплеснула руками и громко выдала:

– Ну, наконец-то! Хоть кто-то со мной согласился!

Светлана завела свой новенький белый «Мерседес», и машина тихонько тронулась с места. Набирая скорость, иномарка покатила по асфальту вперед, выезжая на главную дорогу.

– Только будь осторожнее, – попросила она и вновь украдкой взглянула на подружку. – Шофера такие непредсказуемые и злопамятные. Конечно, все от человека зависит. Другой признает свою вину, а кто-то отомстить захочет.

– Я специально шпионить ни за кем не стану, – стала рассуждать Марина. – Но если узнаю или увижу, что они налево возят бетон, то молчать не стану. Вот принципиально!

– Да, подруга, – протянула Света и поддала газу, – попала ты.

– Может, мне заболеть? А Свиридов тем временем найдет мне замену. А что ему останется делать? – рассудила девушка. – Не будет же растворный узел стоять, а с ним и вся стройка, пока я буду на больничном.

– Слушай, болеть в такую погоду – грех непростительный, – не согласилась с ней Пимпина. – Ты глянь красота-то какая! – кивнула она в приоткрытое окошко. – Все распускается, зеленеет, а люди влюбляются и такие все счастливые ходят. И солнышко такое яркое и теплое. А природа завет и манит на шашлычок.

– А давайте и мы на шашлыки сходим в выходные? – предложила Марина.

– И болеть тогда отменяется?

– Не хочу болеть. Лучше буду шпионить за водителями и сдавать их Свиридову. Пусть он с ними сам разбирается.

– Мужика тебе надо.

– Хватит того что был, – сразу возразила она. – Сыта замужеством по самую макушку.

– Можно не замуж, а так.

– А так я тоже не могу.

– Вот... какая-то ты неправильная! – принялась переубеждать ее подружка. – То это не хочу, то это не буду. А так тебе тоже не нравится! А это тебе вообще не подходит! Ты уж сама определись, что ты хочешь?

– Хочу тихой спокойной жизни. А еще машину.

– Кстати! – сразу вспомнила Света. – Когда ты ее получаешь?

– Обещали скоро пригнать.

– Круто! Будешь сама ездить за рулем, Кольку в садик возить. А между прочим, – напредила она, – те же водители, могут твою машину иногда ремонтировать!

– Между прочим, для этого автосервисы есть! – возразила Сапсонова.

– Автосервисы – это дорого! А шофера тебе её посмотрят и подремонтируют бесплатно.

– Ты же знаешь, что бесплатно бывает только сыр в мышеловке. И помнишь, чем все заканчивается, когда мышка его оттуда достает? Правильно! Гибелью! – ответила она сама.

– Извини, понимаю, что так нельзя, но смотришь на всех и думаешь, что так надо.

– Вот оно всех и засасывает – это надо! А я привыкла жить тем, что заработала. И Кольку своего приучаю не смотреть по сторонам, а жить честно. Пусть у соседа будет шикарный дом, крутая машина, а я благодарна Богу за то, что имею.

– Ты права, – вздохнула Света, – не обижайся на меня.

Но тут Марина увидела знакомый ей КамАЗ и устремила свой взор в его сторону. Миксер ехал чуть впереди, а потом свернул в частный сектор и поехал между домами.

– Так... это же... наша машина. И работает на ней... кто же там на ней работает? Как его... – стала вспоминать она.

Но так и не смогла вспомнить имя водителя, а только взволнованно попросила:

– Будь другом, сверни за ним!

– Может, не стоит? – заволновалась сразу женщина, понимая, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Стоит, Светочка, стоит! Он же груженный! Ты что, не видишь? Миксер полный, а это значит, что едет налево!

– А подсматривать и подслушивать нехорошо! – попыталась переубедить ее подруга, а сама включила правый поворот и поехала вслед за КамАЗом.

Но ей и самой уже было любопытно посмотреть, права она или ошибается на счет водителей и левого раствора.

Девчата осторожно двигались по улице с односторонним движением и внимательно наблюдали за бетономешалкой.

Миксер проехал немного вперед, свернул к воротам частного дома и остановился.

Ворота спешно открылись, словно ждали приезда машины, давая ей возможность заехать в них задом.

Подружки притаились за углом соседней изгороди и стали наблюдать, что будет дальше.

Марина мгновенно достала свой сотовый и начала снимать все происходящее на камеру. И опять она никак не могла вспомнить фамилию водителя, да и Воротнин ни разу не выглянул из кабины, чтобы обнаружить себя воочию.

КамАЗ осторожно заехал в палисадник и скрылся из виду за высоким забором.

– Ты думаешь, он сейчас вместо раствора молоко ему сливать станет? – с усмешкой спросила она, внимательно глядя вперед. – Вот гад! Пришел, попросил меня отправить его два раза на шестой участок, а сам по дачам поехал. И что ты мне прикажешь сейчас делать? – вопрошала она, пристально глядя на ворота.

– Только не вздумай туда сейчас пойти! – предупредила ее Пимпина. – А-то закатают и тебя, и меня в тот бетон, и следа от нас не останется!

– А я его сфоткала, – радовалась девушка и пожалела, что не удалось снять самого главного – это самого водителя, и как он сливал раствор на этом участке.

– Может, подождать, когда он выезжать станет? – неожиданно предложила Света. – Тогда точно будешь знать этого нахала в лицо.

Но тут им сзади посигналила иномарка, чье место они заняли у частного дома. Светлана резко оглянулась, поняла, что надо отъехать, быстро завела свой «Мерседес» и поехала вперед.

– И? Что ты собираешься дальше предпринять? – спросила она, бросая короткие взгляды на Марину.

– Завтра напишу на него докладную. Пусть Гена сам решает, как его наказать.

– Слушай, только не говори, что ты тут со мной была. Договорились? А-то они потом на дороге отомстить могут. Подставу сделают мне, а я же только начинаю водить, сама понимаю...

– Да ты тут вообще светиться не будешь, – успокоила ее девушка. – Я все сняла на мобильник. И этого будет достаточно, чтобы наказать этого хапугу.

– Ой, не нравится мне все это! – качнула головой та и выехала на главную дорогу. – Возвращайся ты в свой офис и сиди там, обсчитывай путевки шоферам.

– Если бы от меня все это зависело, – вздыхая, ответила Марина, а сама уже просматривала свое художество. – Улики на лицо и этого достаточно! – ликовала она, предвкушая бурные события, что разразятся завтра в СМУ.

Вскоре они приехали к садику. Пимпина припарковалась у остановки, заглушила машину, а сама взволнованно попросила:

– Будь осторожна.

– Буду, – заверила ее Сапсонова и вышла из салона на улицу.

Уже оттуда попрощалась с ней и, захлопнув дверцу, весело зашагала по дорожке к садику. На душе было хорошо и радостно. В предчувствии предстоящей схватки, ощутила в душе азарт, а сама надеялась на правильный исход дела.

Но если бы Сапсонова назвала фамилию водителя, или Света увидела Олега, то она попыталась отговорить подругу не делать этого, потому что тот был другом ее мужа. Конечно же, она позлилась бы на нее и, скорее всего, выговорила Воротнину один на один, показав ему запись на телефоне, но к Свиридову она не пошла бы с докладной – это факт. Но как на зло в тот вечер она напрочь забыла фамилию шофера, чем усугубила все их дальнейшие отношения.

А так как Светлана не видела лица водителя, а номера машин она вообще не запоминала, то получились, что следили они в этот злополучный вечер за другом своей семьи.

И на следующий день в СМУ разразился целый скандал. Марина написала докладную, и сама лично отдала ее начальнику. Попутно показала записи на телефоне, что удалось снять из салона «Мерседеса», как доказательство и неопровержимые улики.

Тот внимательно все прочитал, просмотрел съемку, еще раз расспросил сотрудницу, как все было, и отпустил ее на рабочее место. А сам срочно вызвал к себе Воротнина.

Водитель не заставил себя ждать и уже вскоре появился в его кабинете.

Геннадий Михайлович бросил перед ним на стол докладную и зорким взглядом наблюдал за шофером.

Олег внимательно все прочитал и невозмутимым голосом спросил:

– А где доказательства? Я просто... после работы... заехал к другу в гости.

– В гости на КамАЗе? – строго спрашивал его Свиридов. – И сразу задом во двор?

– Ну и что! Там узкие улочки, и если я оставлю машину на проезжей части, то другие машины вообще не проедут! – изворачивался он как мог. – Там одностороннее движение, как я КамАЗ оставлю?

– Тебя там видели и не один человек! – рявкнул на него Свиридов.

– И они прям видели, что я сливал там бетон?

– Видели! – зло смотрел на него начальник. – И даже засняли на сотовый!

– Пусть прямо в глаза мне скажут, что я сливал там раствор! – не сдавался Воротнин, принимая уверенную позу. – То, что я там был, не отрицаю! Но бетона я там не сливал! – стоял на своем шофер. – Я отвез его по заявке на шестой участок! Спросите у прораба или у бригадира!

– Значит, ты половину слил налево, а половина отвез на участок! – кричал на него Геннадий Михайлович.

– Пусть вот эта писулька, – ткнул он пальцем в докладную, указывая на фамилию Марины, – докажет, что я сливал там раствор!

– А я и доказывать не стану! – выкрикнул в его сторону начальник. – Уволю тебя и закаатаю по тридцать третей! Посмотрим, где тебя в наше время на работу возьмут!

– Не воровал я бетона! – уперся водитель.

– Зачем человеку врать?

– А, может, глаз она на меня положила! – стал юлить тот. – Вот и мстит теперь за отвергнутые чувства!

– Ты одно к другому не примешивай! – стукнул по столу кулаком Свиридов. – Я ее знаю лучше, чем тебя! И верю больше, чем тебе!

– Пусть докажет, – тихо и совсем спокойно ответил ему Олег, видя и понимая, что тот разошелся не на шутку.

– Сейчас поедem к тому дому, и, если я обнаружу там следы свежего бетона, ты уволен! – вновь погрозился на него Геннадий Михайлович и встал из-за стола, намереваясь немедленно осуществить задуманное.

– Я-то поеду! Но вторгаться в частные владения, нужна санкция прокурора. И вы это не хуже меня знаете, – напомнил он про права человека, чем напрочь вывел из себя начальство.

– Я тебя лишу всего! И машины! И премии! И зарплаты!

– За что? – разводил руками шофер. – Я честно отработал весь день. Все рейсы у меня в путевке отмечены и подписаны бригадиром. Можете проверить! Я только ее сдал.

– А зачем ей врать?

– А вы ее спросите. Или давайте вместе спросим! А-то вдруг я сорвусь и в бетономешалке ее утоплю, за вранье и оговоры честного человека!

Свиридов вновь погрозился на водителя увесистым кулаком и грозно произнес:

– Уволю по тридцать третей!

– А я в суд подам!

– Что?! – пришел в ярость начальник.

– Докажите, и я сам напишу на увольнение! – не унимался Олег, а сам уже завелся и жутко ненавидел ту бухгалтершу, которая превратилась в шпионку и стукачку одновременно.

– Я отстраняю тебя от машины!

– На каком основании?!

– Ты уволен!

– За что?! – вопрошал Воротнин. – Дамочка решила в шпионов поиграть, зашла не в те ворота, а теперь строчит, как Анка пулеметчица докладные и ждет счастливой развязки?

– Я тебе дам пулеметчицу!

– Все СМУ гудит, что она ваша любовница! – прямо резанул водитель и увидел, как взлетели от удивления брови Свиридова.

– Что?! – пошел к нему Геннадий Михайлович, зло кидая на него свои разъяренные взгляды.

– Не я это говорю, а ребята... – стал оправдываться Воротнин, а сам отступил назад к двери.

– Все! – показал ему кулак начальник. – Ты попался мне под горячую руку! И теперь пощады не жди!

– Мне писать на увольнение?

– Иди работай! Я теперь сам тебя отслежу! Поймаю – посажу! А пока ты лишен премии, и я вычту с тебя за миксер бетона!

– Я...

– Уволю! – не дал досказать ему Свиридов, указав пальцем на дверь. – Работать! А-то прогул еще поставлю!

– Есть работать, – соглашался шофер, а сам резко развернулся и вышел из кабинета, стараясь поскорее скрыться с глаз разъяренного начальства.

Он уверенной походкой прошел мимо секретарши и заспешил по коридору к выходу. Уже на улице зло выругался:

– Вот стерва! Сдала!

А сам прямиком направился к своей машине. С ходу забрался за руль КамАЗа, громко захлопнул за собой дверцу, уверенно завел двигатель и задумчиво посмотрел вперед. Потом раздраженно сплюнул в приоткрытое окно и поехал на растворный узел.

– Ну, держись, зараза! Я тебе устрою докладную! – проговорил он в гневе и прибавил газу.

На всей скорости он помчался по дороге, намереваясь сию же минуту высказать этой выскочке все, что он о ней думает. А заодно и загрузиться. И только пусть попробует не загрузить его, он тогда тоже напишет на нее докладную и посмотрит, кто выиграет, а кто проиграет.

Миксер на скорости подъехал и стал у растворного узла как вкопанный.

Воротнин спешно покинул кабину, громко закрывая за собой дверцу, и бегом поднялся по лестнице в диспетчерскую. Он не вошел, он влетел словно ураган, чем сильно напугал девушку. А сам видел, как отпрянула она от него в сторону, и ее глаза заморгали необыкновенно часто.

– Довольна?! – зло рывкнул он на Сапсонову, нависая над ней всей своей крепкой фигурой. – И что мне теперь с тобой делать? – смотрел он разъяренно в ее большие карие глаза, которые стали еще больше от испуга и неожиданности.

– Не воровать, – стараясь быть спокойнее, ответила ему Марина.

– Что?! – прошипел Олег прямо ей в лицо. – Ты меня за руку ловила?

– Вчера сама лично видела, как вы выгружали бетон в частном доме. Даже могу назвать фамилию того товарища, которого вы осчастливили.

Водитель мгновенно напрягся, было видно, что он соображает, что ей ответить. Потом медленно выпрямился и, глядя на нее, уверенно спросил:

– И как же его фамилия?

– Зовут его Соловьев Сергей, он работает бригадиром на шестом участке, – стала говорить она и заметила, как сменился в лице шофер. – И последний рейс предназначался именно на тот самый шестой участок. Продолжать или достаточно? Или вы хотите, чтобы у вашего знакомого с шестого участка тоже были неприятности по работе?

Тот на какое-то время замолчал, а потом зло усмехнулся и уверенно спросил:

– А что же ты не подошла и не поймала нас с поличным? Могла бы сразу и Свиридову звякнуть! Уж он точно примчался бы по твоему звонку! Так ведь?

– Точно и примчался бы, – вызывающе смотрела на него Марина.

– Тогда... в чем дело?

– Я не одна была, не хотела человеку настроение портить.

– Не хотела, чтобы Гена про твои похождения узнал? – сверлил ее мужчина своим едким взглядом.

– Вы неправильно информированы, – с улыбкой на лице ответила она. – Геннадий Михайлович честный и порядочный человек, он хороший семьянин и, насколько мне известно, очень сильно любит свою жену. А у меня такие правила: с женатыми мужчинами не связываться, все равно счастья не будет.

– Шашлык из тебя будет, поняла? А про счастье забудь! Теперь я твою жизнь превращу в кошмар! Бойся меня теперь!

На лице девушки вновь появилась улыбка. Она смотрела на водителя и с усмешкой спросила:

– А... что вы можете мне сделать?

– Машиной перееду! – в гневе выпалил он.

– Не поскользнитесь.

– Что?! – выдавил тот сквозь зубы и вновь навис над ней.

– Говорю... скользкая я. Не поскользнитесь. А-то убиться можете... Ненароком! – играя бровями, отвечала Сапсонова, а на лице блуждала еле заметная улыбка.

Воротнин не мог скрыть своей ненависти к ней и, глядя ей прямо в глаза, раздраженно обозвал:

– Стукачка!

– А Глеб Жиглов сказал: «Вор должен сидеть в тюрьме. И неважно, как я его туда посажу», – совершенно спокойно ответила она и понимала, что теперь между ней и всеми водителями развернется настоящая война.

От такой наглости и самоуверенности Олег отпрянул назад, долго смотрел на нее, а потом погрозился пальцем и с ненавистью предупредил:

– Ты пожалеешь!

Стараясь быть спокойнее, Марина невозмутимо повела бровями и вновь ответила:

– Не пугайте, я уже пуганная.

– Вредина! – сказал шофер и хотел уже уйти.

Но диспетчер мгновенно выдала:

– Как жаль, что в магазинах не продаются мозги! Иногда так хочется кому-нибудь подарок сделать!

– Что?! – протянул обиженный мужчина и замер, понимая, что эта упрямая дамочка совсем ничего не боится.

А сам немного постоял так, потом шагнул к выходу, с шумом распахнул дверь и быстрым размашистым шагом вышел из диспетчерской. Дверь за ним громко захлопнулась, а водитель уже спешно бежал по ступенькам вниз.

– Посмотрим чья возьмет! – зло проворчал он, а сам выскочил на улицу и сходу забрался в КамАЗ.

Он тут же подъехал под загрузку, резко посигналил, давая понять, что его можно загружать, а сам все думал: как побольнее отомстить этой упертой выскочке, которая лишила его не только премии, но и заработка. Про себя сразу решил, что надо поподробнее все о ней узнать: где и с кем живет, замужем или нет, с кем общается и где бывает. Собрать полное резюме, чтобы было чем уколоть, а в голове зрел новый план мести за нанесенный ему материальный и моральный урон.

Миксер загрузился, он спешно выехал из-под эстакады, поддал газу и быстро помчался вперед, выезжая на дорогу.

Марина закрыла лицо руками, перевела дыхание и с сожалением сказала:

– Все, нажила себе врагов. И зачем мне все это?

А сама уронила голову на стол, но тут же услышала сигнал и поняла, что это очередной КамАЗ подъехал под загрузку. Девушка спешно нажала на кнопку, и пошла загрузка бетономешалки раствором. Она видела, как отъехал Воротнин, как скрылся он за поворотом, и вздохнула с облегчением.

До обеда Сапсонова была сама не своя. Хотя и дерзила она Олегу, но на душе было нехорошо и жутко обидно. Больше всего в жизни она не любила ругаться и ссориться. Всегда боялась таких моментов, старалась обойти их, почти всегда получалось, но в этот раз всё пошло не так. Она ждала обеда, чтобы пойти в столовую и все поведать Вике. Та выслушает, поддержит, подскажет, что делать дальше, и она обязательно попросит ее, чтобы уговорила Свиридова поскорее найти ей замену. И тогда она вернется в свой кабинет и станет опять там тихо и спокойно работать, сидя за своим компьютером.

Но время тянулось так медленно, и как не старалась его торопить обиженная девушка, ничего у нее не получалось. С трудом, но она дождалась перерыва, спешно встала, взяла свою сумочку и вышла из кабинета. Сразу закрыла его на ключ и уверенной походкой

направилась в сторону столовой.

Ярко светило солнце над головой. Погода была весенней – тихой и теплой. Деревья и кустарники принакрылись яркой зеленью молодой сочной листвы. А по бокам дороги дружно распустились желтые мать-и-мачеха и золотистые одуванчики.

Ругаться в такие дни совсем не хотелось, наоборот, душа требовала тепла, нежности, любви, а получалось всегда не так, как запланировалось.

Марина на ходу позвонила подружке и, как только та ответила, тихим голосом спросила:

– Ты в столовую идешь?

– Я уже тут. Что тебе взять?

– Возьми мне второе, что-нибудь с мясом, и компот с булочкой.

– Договорились, – ответила Вика и отключила мобильник.

Марина пошла немного быстрее и приготовилась, что в столовой может вновь встретиться с Воротниным, и он снова станет говорить ей разные колкости. «Но ничего, – решила она, – и это переживем». А сама, приподняв голову вверх, уверенно шагнула к входу.

Девушка вошла, взглядом поискала свою подругу, увидела ее за столиком у окошка и поспешила к ней. Красивая и модная, в черной кожаной юбке до колен, в белой шифоновой блузке с длинным рукавом, в черных туфлях на высокой шпильке, она подошла к столу и тихим голосом поприветствовала:

– Привет.

– Привет, – ответила Виктория. – Взяла тебе рис с котлетой, компот из сухофруктов и булочку с творогом, как ты любишь.

– Спасибо, – поблагодарила она и, оглядываясь по сторонам, аккуратно присела на стул.

В столовой было многолюдно и шумно, но нигде она не увидела Олега и сразу вздохнула с облегчением. Решила, что сможет пообедать сегодня без косых взглядов и упреков в спину. Но она ошиблась, в этот момент в зал ввалилась целая толпа проголодавшихся водителей, а среди них был и Воротнин.

Мужчины шумно прошли к раздаточному столу и с ходу зашумели на поваров:

– Сметана где? Опять нет? – возмущался Воронин.

– А рыба почему холодная? – тут же спросил Тарасов.

– Все вам не так и не этак! – резко осадила их повариха. – Майонез берите! А рыба теплая еще, печка у нас сломалась!

– В микроволновке подогрей!

– Теплая еще рыба! – вновь прикрикнула на них повар.

– Сама ты теплая, Наталья! – громко высказался Воронин, чем вызвал гнев у женщины.

– Я тебе сейчас дам теплая! – ответила грубо та, замахнувшись на него полотенцем. – Враз остынете у меня!

Шофера громко засмеялись, весело переговариваясь друг с другом и понимая, что с Натальей лучше не связываться. Она и суп на голову может опрокинуть «нечаянно», а скажет, что так и было.

– Вика, я сегодня на Воротнина докладную написала, – стала тихо говорить Сапсонова, украдкой поглядывая в сторону водителей.

– И что, приходил разбираться к тебе?

– Сказал, что на машине переедет.

– Да ладно?! – изумилась девушка. – И что ты ответила?

– Я предупредила, чтобы он не поскользнулся на мне. Я скользкая!

Виктория ахнула и с нескрываемым интересом взглянула в сторону шумных водителей. Потом вновь перевела взгляд на нее и весело полюбопытствовала:

– Так и сказала?!

– Так и сказала, – с улыбкой ответила ей Сапсонова, а сама принялась есть свой рис.

– Слушай, – склоняясь над столом, тихо заговорила Кравцова, – он же и правда переедет! Ты видела, какой он на тебя взгляд бросил, когда вошел в столовую?

– Нет, не заметила.

– Ой, что будет! – протянула девушка, качнув головой.

– Ты что-нибудь про него знаешь? Где живет? Женат или нет? Дети есть?

– Дети есть точно. Я сама занималась подарками к Новому году и отдала ему два подарка.

Из этого следует, что он женат. Ему где-то за тридцать... Точно! Тридцать два года, – вспомнила она.

– Он раньше попадался где-нибудь с леваком?

– Не слышала ничего, – мотнула головой Вика.

К их столику неожиданно подошла бухгалтер из соседнего отдела. Женщина давно работала в этом СМУ и знала всех не только в лицо, но и поименно. Она посмотрела на своих коллег и вежливо спросила:

– У вас тут не занято?

– Нет-нет, садитесь, – так же вежливо предложила ей Марина.

Платонова поставила свой поднос на стол, аккуратно присела на свободный стул, усаживаясь поудобнее, и принялась вытирать ложку салфеткой.

– Нина Васильевна, у нас тут скандал сегодня разразился, – заговорила с ней Виктория, в надежде, что та прольет свет на все происходящее.

– По поводу Воротнина? – сразу догадалась она, посматривая на них по очереди.

– Да, с ним родимым, – тихо, но с иронией в голосе, пояснила Кравцова.

– Слышала, как же. Геннадий Михайлович так кричал на него, вся бухгалтерия затихла.

– Вы не знаете о нём... ничего такого? – полюбопытствовала девушка, глядя на неё.

– А что вам надо про него рассказать?

– Он сегодня пообещал Маринку машиной переехать, – выпалила Вика.

– Вот как! – удивленно вскинула брови женщина и перевела взгляд на Сапсонову. – Да мужик, как мужик, – стала говорить она, – я его знаю, потому что он дружит с сыном моей сестры.

– А теперь поподробнее, – совсем тихо шепнула Виктория и подалась вперед, чтобы лучше слышать, что станет рассказывать эта умная женщина.

– Он женат. Двое детей – мальчик и девочка. Алисе восемь лет, а Стасику пять. Живут дружно, не замечала, чтобы ссорились так уж сильно, – заключила она. – Жена его в нашем детском садике работает воспитателем, зовут ее Нина. Попался он в этот раз впервые, поэтому Свиридов и не стал его выгонять. Но пригрозил, что уволит и теперь сам лично будет за ним следить.

– А где он живет? – пытала ее Вика.

– Живет на улице Дзержинского, где детский мир – там у них трехкомнатная квартира. А в частном секторе живут его родители, и там же живут родители жены. Там они и познакомились.

– Медали награды имеются? – не отставала от нее Кравцова.

– Между прочим, он утопающих спас! И ему за это медаль дали!

– А сколько их там тонуло?! – выпучила глаза Виктория.

– Двое детей, и бабуля кинулась спасать внуков. Да и сама чуть не утонула. А Воротнин гулял с детьми, увидел их и спас. Об этом даже в газете писали – в «Московских новостях» и в нашей «болтушке».

– Все ясно, герой, да и только! – выпалила Вика и посмотрела на подругу. – Вот гад, со всех сторон положительный!

– Вот меня переедет, будет отрицательно-положительным, – улыбнулась Марина и увидела, как от кассы по залу пошел Воротнин, а с ним и его верный друг Тарасов.

Мужчины искали свободные места и, остановившись посреди зала, смотрели, где можно было присесть и быстренько отобедать. Но все столики были заняты, и водители пошли дальше, поглядывая, где должно освободиться очередное местечко.

Подойдя к девушкам, Тарасов обрадовался и радостно сказал:

– Олег, два места! За столиком с девчатами и рядом. Садимся? – скорее не спросил, а предложил он.

Воротнин посмотрел на Сапсонову, зло усмехнулся и тихо сказала:

– Я со стукачками за одним столом не обедаю! Лучше голодным останусь.

Марина сглотнула ком нахлынувшей обиды, но промолчала, только отвела взгляд в сторону, поглядывая куда-то в окно.

– Да ладно тебе! – попытался успокоить его Павел. – Так и обед остынет.

Олег ничего не ответил, а только прошел и поставил свой поднос за соседний столик, за которым уже обедали строители. Он громко отодвинул стул, усаживаясь так, чтобы не видеть своей обидчицы, и с хмурым видом присел за стол. Мужчина сразу принялся есть свой борщ, а сам старался не смотреть на них, и все думал, как побольнее отомстить этой выскочке.

Тарасов уселся рядом с девчатами, весело им подмигнул и пожелал:

– Приятного аппетита.

– И вам того желаем, – ответила недовольно Вика, поглядывая на подругу.

Марина доела котлету с рисом, отставила тарелку в сторону и принялась есть булочку, запивая ее компотом.

– Девчат, – жалобно заговорил Тарасов, – ну, что же вы так обидели моего друга? Смотрите, какой он хороший: и красавец, и отличный семьянин и работника! Да еще и герой!

– А теперь еще и вор, – тихо ответила Сапсонова, но Воротнин услышал ее слова и сразу насторожился.

– Да, ладно вам! – вступился за друга Павел. – Вон, чиновники миллионами воруют и ничего!

– Почему же ничего, – вставила свое слово Марина, – кто попадает, тех сажают в тюрьму.

– Да ладно, сажают! – возмутился в ответ Тарасов. – Смотрю, много их там сидит!

– Паша, что ты от нас сейчас хочешь? – резко спросила его Кравцова.

– Забрать докладную.

– И как ты себе это представляешь? – смотрела на него Вика.

– Сказать, что обозналась, что не рассмотрела номера, – стал уговаривать их мужчина.

Но тут к ним резко обернулся Олег и громко сказал:

– Прекрати! Не хватало, чтобы я перед ними голову склонял!

В столовой все разом стихли и, затаив дыхание, ждали, чем все закончится.

– Олежа, он же теперь житья тебе не даст! – напомнил ему Павел. – Он же сожрет тебя с потрохами!

– Подавится! – зло ответил тот и отвернулся.

Но потом вновь посмотрел на Сапсонову и с усмешкой в голосе сказал:

– Пусть наслаждается своим положением и маленькой властью, позаимствованной у чужой жены!

– Что? – не поняла его сразу Марина, с обидой глядя в его сторону.

Потом уловила смысл сказанных им слов и в недоумении спросила:

– Что ты такое говоришь?!

– Что все говорят, то и я говорю! – отговорился Воротнин, отворачиваясь от неё.

Она немного помедлила, потом резко встала, уверенно шагнула к столику, за которым сидел ее обидчик, остановилась перед ним и громко спросила:

– А ты что, свечку держал?

– Не хватало мне еще у всех «вас», – выделил он это слово и продолжил, – свечки держать! Смотреть на эту мерзость.

– Вообще-то, это называется любовью! – в упор смотрела на него Сапсонова.

Олег громко усмехнулся, отводя взгляд куда-то в сторону, вновь грозно посмотрел на нее и так же язвительно высказался:

– Не мешайте чистые светлые чувства с грязью!

Тут Марина не удержалась, взяла стакан с кефиром и вылила его в тарелку с супом, который он ел.

– Приятного аппетита! – зло сказала она и пошла вокруг стола за своей сумочкой.

Там подхватила ее за ремешок и, не глядя ни на кого, сразу заспешила к выходу.

– Стукачка! – выкрикнул ей вслед Воротнин и резко отодвинул тарелку в сторону.

В столовой наступила гробовая тишина. Какое-то время все молча уставились на его столик, и казалось, что совсем забыли зачем сюда пришли. Но тут громкий голос повара заставил всех оживиться.

– Надо было на голову вылить! – крикнула она на весь зал. – А-то метут своими языками, чего сами не знают!

– Помолчала бы! – вступился за друга Воронин.

– Хуже баб стали! – не унималась женщина. – В пору штаны на юбки менять!

– Она первая начала! – выкрикнул Тарасов в защиту друга.

– Она с тобой начала? – стояла на своем Новикова.

– С ним, – кивнул он на Олега.

– Вот пусть они и разбираются! А вы куда лезете? – кричала на них женщина из-за кассы. – Воровать тоже с умом надо! А попался -сморчи! И прими все как есть! Скажи спасибо, что не выгнали!

– Да иди ты! – зло ответил ей Воротнин и встал из-за стола.

Он резко и с грохотом отодвинул стул в сторону, повернулся и быстрым размашистым шагом пошел по столовой к выходу.

– Пообедали называется, – буркнул себе под нос Тарасов и тяжело вздохнул.

– Павел Александрович, – заговорила тихим и спокойным голосом Платонова, – защищая друга, надо держать голову на плечах. И если вы видите, что он не прав, надо бы вовремя остановить его. Чтобы тот не наделал глупостей.

– Он что, дурак? – кинул недовольный взгляд Тарасов на бухгалтера.

– Он сегодня обещался раздавить Марину КамАЗом. Представляете, если он это сделает? Какой трагедией все может обернуться?

– Да, не будет он ее давить! – вновь вступился он за друга. – Нужна она ему сто лет!

– Вы же не знаете, какие у него тараканы в голове? – пыталась переубедить его Нина Васильевна.

– А мне и знать не надо! – возмутился в ответ водитель. – Я с Олегом с детства дружу! Будет он пачкаться об нее... – буркнул он себе под нос. – Подумаешь! Фифа выискалась! – вновь выкрикнул он. – Не таких обламывали!

– Ну смотрите, – спокойным голосом упредила его женщина, – вина ляжет и на всех вас.

Кравцова долго смотрела на него исподлобья, словно гипнотизировала, словно хотела сейчас и здесь дать понять этому самоуверенному водителю, что он очень даже не прав.

– Хуже баб стали! – с упреком проговорила она и встала.

А сама вышла из-за стола и уверенной походкой заспешила к выходу. В серых шортах в клеточку, в таком же пиджачке и белой блузке, на ногах темные колготки и ботинки на высокой подошве, девушка смотрелась модно и стильно и конечно же понимала, что Марина теперь идет и ревет от обиды. Так хотела догнать ее, утешить, сказать нужные слова и просто поддержать.

Вика вышла из столовой и спешно направилась в сторону диспетчерской, где временно работала её подруга.

А Сапсонова вышла из столовой и хотела уже пойти к начальнику и потребовать, чтобы он вернул ее обратно на свое место. Но потом подумала и решила, что тогда придется говорить и причину, а это получится, что опять пошла ябедничать и жаловаться на водителей. Свиридов вновь вызовет к себе Воротнина, и тот еще больше обозлится на нее. «Нет, – решила она, – не пойду. Вот сейчас успокоюсь, и сама решу свои проблемы. Думают, не смогу за себя постоять? Еще как смогу! Только пусть попробует еще раз нахамить или нагрубить! Такое скажу, сам не рад будет»!

Она медленной походкой двигалась по тропинке к раствору узлу и пыталась хоть как-то восстановить душевное равновесие. Сзади послышался гул большой машины. Не оглядываясь, Марина шла дальше, а сама думала, как ей теперь из всего этого выпутаться. «Может, уволиться? – размышляла она. – Найду другую работу, а они пусть себе воруют и что хотят, то и делают здесь».

Неожиданно её обогнал КамАЗ и резко преградил ей дорогу. Машина стала как вкопанная и, обдавая ее придорожной пылью, сразу заглохла.

Девушка отскочила в сторону и замерла, понимая, что на такой поступок мог пойти только Воротнин. Так и есть, из кабины выпрыгнул Олег и, грозно кидая на нее свои недовольные взгляды, шагнул к ней.

– И что мне теперь с тобой делать? – спросил он, сверля ее едким ненавистным взглядом.

– А вы задавите меня, и вам дадут еще одну медаль! – вновь съязвила она, и чуть заметная усмешка мелькнула на ее лице.

Мужчина схватил ее за руку, резко притянул к себе и, зло глядя в ее напуганные глаза, уверенно выдал:

– Смеешься, да?

– А мне плакать не с чего! – уперлась Сапсонова, не желая сдаваться. – Я тот бетон не воровала!

Мимо проехал грузовик, притормозил возле них, водитель выглянул в окошко и махнул Воротнину рукой, приветствуя его.

– Садись в машину, поговорим! – скомандовал он, понимая, что кругом много свидетелей. – Садись, а-то люди смотрят!

– Я похожа на самоубийцу? – снова сдержила она.

– Садись!

– Жене будешь приказывать! – зло огрызнулась девушка и попыталась вырваться из его крепких рук.

– Боишься? – смотрел он на нее, а сам сдавил ее руку, намереваясь запугать.

– Если я вас боялась, не писала бы ту докладную!

– Я тебе знаешь, что сделаю... – прошипел Олег, подбирая слова, которые могли бы сейчас ее напугать.

– Ой-ой, как мне страшно! – держалась бухгалтер, давая понять, что она совсем его не боится. – Каким бы не был крутым бык, на банке пишат тушенка! – неожиданно выдала она, прямо в лицо этому хаму.

Мужчина замер на мгновение, сраженный такой дерзостью и наглостью этой молодой и смелой доносицы.

– Посмотрим, как ты потом острить будешь! – зло произнес он и выпустил ее руку. – Не боишься?

– А вы не боитесь?

– А что я должен бояться? – усмехнулся он.

– Женатый человек, вдруг жена узнает, что пристаёте ко мне.

– Я? К тебе?! Да нужна ты мне!

– А раз не нужна, чего же стоим тут? Чего вы меня хватаете, как собственную?

– Да... иди ты! – выругался Воротнин.

А сам резко повернулся и пошел вокруг машины. Там спешно забрался за руль, громко хлопнув при этом дверью, завел КамАЗ и быстро отъехал от обочины. Набирая скорость, машина на всей скорости помчалась вперед по дороге и вскоре скрылась за поворотом.

К Сапсоновой, запыхавшись, подбежала Вика и испуганно спросила:

– Мариш, он что, ударил тебя?

– Да нет... – мотнула она головой, и одинокая слеза скатилась по ее щеке. – Так... угрожал опять.

– Всё! – решительно заявила Кравцова. – Идем к Гене! И пусть он сам все разруливает!

Марина смахнула ладошкой слезу и тихо ответила:

– Нет, никуда я не пойду.

– Да! – стояла на своем Виктория. – Он должен знать, что тебе угрожают и обещают задавить!

– Нет, Вика, пожалуйста, – запротестовала она, – мне же тогда уволиться придется. А где я сейчас работу найду? У меня кредит... Я деньги на машину брала в банке. Просрочу месяц, потом... все продать придется.

– Я тебе в долг дам, пока работу искать станешь.

– Нет, – решительно отвергла такое предложение обиженная девушка, – мне здесь нравится. Здесь коллектив хороший... Начальник ко мне относится хорошо. А этот Воротнин... он же потом отстанет от меня. Все забудется и пойдет своим чередом.

– Когда отстанет?! Ты посмотри, что он творит! Кто ему дал такое право, так с тобой обращаться?! – возмущалась та и заметалась из стороны в сторону, соображая, что делать дальше.

– Я сама виновата. Я ему говорю такие дерзкие слова, от которых любой человек в ярость придет.

– А если он ударит тебя?

– Не ударит, – задумчиво ответила Марина и взглянула туда, где совсем недавно скрылся КамАЗ.

– И что нам делать? – развела руками Вика.

– Пойду в диспетчерскую. Там теперь машины стоят и меня ждут, – совсем тихо пояснила она и вздохнула, догадываясь, что это всего лишь начало войны, которую объявили ей водители.

В душе понимала, что теперь все шофера без исключения очень долго будут припоминать ей ту докладную, а еще подкалывать её и язвить при любом удобном случае.

– Ну смотри, – уже спокойнее ответила Кравцова, заглядывая в ее расстроенные глаза.

– Викуль, спасибо тебе, что поддержала меня сейчас.

– Я за тебя в огонь и в воду! – заверила ее подруга. – Если бы знала, что этот... поедет за тобой, сразу пошли вместе. Я бы ему за тебя всю его наглую физиономию расцарапала!

– Спасибо, – еще раз поблагодарила Марина и шагнула мимо нее, намереваясь пойти на растворный узел.

– Хочешь, я тебя вечером до дома подвезу?

– Ну... давай, – согласилась она.

Они расстались. Сапсонова вернулась в диспетчерскую и сразу же включилась в работу. Одна за другой подъезжали под погрузку машины, водители забежали, чтобы отметить путевку или узнать, куда надо доставить бетон. Девушка постепенно отвлеклась от хмурых мыслей, но в душе так больно щелкнуло, и словно застыла обида, лишь на мгновения приглушаясь и изредка уходя на задний план.

Вечером, как и обещала, за ней заехала Кравцова, и они вдвоем отправились домой. Вика поведала, что Платонова всё сама доложила начальнику, и тот вновь вызывал Воротнина к себе на ковер.

– Он так орал на Олега! – довольным голосом рассказывала она события, что произошли в кабинете у начальника СМУ. – Воротнин вышел от Гены весь взмокший!

– Теперь точно переедет, – обреченно проговорила Марина, посматривая в окно машины.

– Да брось ты! – махнула рукой Виктория и поддала газу. – Теперь будет косо смотреть, но обходить стороной.

– А что именно Платонова ему рассказала?

– Она потом нам объяснила, как все вышло, – стала вспоминать девушка, – говорит: пришла к нему на подпись бумаг и ненароком обмолвилась: «Мол, вернули бы вы Марину обратно, а-то из-за той докладной сегодня в столовой целый скандал вышел». Тот, естественно, стал интересоваться: что вышло, да как? Она ему всё как было и рассказала, ничего не утаила. Он ее выслушал и сразу вызвал к себе Воротнина. Они так орали! Мы все затихли, словно мышки, и слушаем. Свиридов орет, а тот ему так же криком отвечает. В общем, сошлись на том, что если он к тебе еще раз подойдет, то он его сразу уволит, без всяких на то объяснений.

Сапсонова с досады слегка поморщилась, мотнула головой и тихо возразила:

– Вик, но я же не просила за меня вступаться!

– Знаешь, пора все это остановить! Пока он правда тебя не переехал на машине.

– Да, не переедет он... – заверила она и вздохнула, понимая, что теперь еще долго будут перемывать ей кости по всему СМУ.

А сама смотрела в окно и думала над тем, что произошло в столовой и вообще. Хоть и переживала она по этому поводу, но отступать не собиралась. Не она первая стала сыпать угрозы и оскорбления в адрес водителя, а он в её. Вот пусть первый и извинится. Тогда и она успокоится и постарается все забыть.

Девчата доехали до садика, Вика притормозила, еще раз подбодрила подружку, и на такой грустной нотке они распрощались.

Марина вышла из салона иномарки и сразу заспешила за сынишкой в садик. Она забрала Кольку из группы, и они медленно побрели по тропинке.

– Мам, ты что такая грустная? – спросил ее Коля.

– На работе неприятности, – тихо ответила она.

– Большие?

– Да нет, средние.

– Может, помощи попросить?

– У кого? – поинтересовалась она, ласково взглянув на сына.

– У дедушки и у дяди Васи, – стал напоминать ей мальчик, что они не одни, а у них тоже есть свои защитники.

– Да нет, я сама справлюсь.

– А эти неприятности с чем связаны? – смотрел он на нее снизу и шел вперед, медленно переставляя свои ножки.

– Идем быстрее, нам еще в магазин зайти надо, – решила сменить тему Марина и потянула его за собой.

Но сынишка дернул ее за руку и серьезно напомнил:

– Ты не ответила.

Она остановилась, медленно присела перед ним на корточки, заглянула в его умные глазки и ласково проговорила:

– Давай я сама разберусь со своими неприятностями.

– И тебе совсем не нужна помощь? – хлопал ресничками он, внимательно глядя на неё.

– Вот вырастешь, станешь большим и сильным, тогда станешь мне помогать. А пока, идем в магазин за мороженым.

– Идем, – согласился Коля, и они вновь пошли по тротуару в сторону супермаркета.

Уже в «Перекрестке» Марина посадила сынишку в тележку для продуктов и покатила его по залу. Она шла по рядам и складывала продукты в корзину, а сама вновь и вновь погружалась в раздумья над тем, что произошло в СМУ. Женщина пыталась отогнать от себя все мысли, но они в очередной раз уносили ее обратно в столовую, а потом и на дорогу, когда Воротнин преградил ей путь своим КамАЗом. Его укоры и угрозы до сих пор звенели в ее ушах.

– А мороженое пойдем покупать? – напомнил ей сын.

– Уже идем, – ласковым голосом ответила она и покатила тележку в сторону холодильников.

Они подошли и стали выбирать лакомство. А Коля сразу заявил:

– Я съем много!

– Тогда ты заболеешь.

– Не заболею, – твердил свое мальчик, – летом никто не болеет.

– А сейчас не лето, а весна. И вечером еще совсем холодно.

– А мы будем есть его дома, а там тепло! – не уступал ей сын.

– Хорошо, мы купим побольше, но есть его будем сегодня и завтра. Договорились?

– Договорились! – обрадовался Колька и довольный посмотрел в холодильник, где лежало много разного лакомства.

Марина стала выбирать и складывать мороженое в тележку к ногам сынишки, а сама внимательно читала ценники и смотрела на этикетки.

Тут к ним подбежали девочка и мальчик и тоже заглянули в холодильник. Девочка выглядела постарше – лет на семь-восемь, а парнишка – лет на пять-шесть не больше. Они наперебой стали говорить, кто какое мороженое будет есть:

– Я буду вот это, – указала девчушка пальчиком на яркую обертку.

– А я буду... «Эскимо»! – ответил мальчик.

Сапсонова с умилением рассматривала детей и вздрогнула, когда рядом с ней раздался знакомый ей голос:

– Ну что, выбрали? – спросил Олег и увидел, как резко обернулась в его сторону женщина с ребенком.

Он взглянул на нее и замер, перед ним стояла его обидчица. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом Марина повернулась и поспешила от них по залу, толкая тележку с продуктами и сынишкой вперед.

– Пап, мы выбрали мороженое, – услышала она голос девочки и оглянулась назад.

Воротнин пристально смотрел ей вслед и всем видом показывал, что их разногласия на этом не закончились. В его ушах еще гудели упреки и угрозы Свиридова, и он ни за что не собирался оставлять все это так – безнаказанно. Мужчина вынашивал план, как отомстить этой вредине, а сам верил и надеялся, что он обязательно придумает что-нибудь эдакое, от чего эта ябеда будет долго жалеть и впредь не станет никого закладывать.

Девушка вздохнула с облегчением, когда скрылась за стеллажами с продуктами. Сразу свернула к кассе и уверенно пошла вперед. Она совсем не желала встречаться с водителем и старалась поскорее выйти из магазина.

После работы люди спешили за покупками, и у касс толпился народ.

Она подкатила тележку, заняла очередь, и они с Колей стали ждать. А сама перевела дыхание, поглядывая на свои наручные часы. Стрелки показывали половина седьмого вечера, надо было спешить до дома, там еще готовить ужин и хоть немного отдохнуть от всех этих передраг.

Но тут сзади вновь слышались детские голоса. Девушка сразу насторожилась и замерла, боясь оглянуться назад, понимая, что очередь за ними заняли Воротнины.

Так и есть! Вперед вышла та самая девочка, что называла Олега папой.

– Пап, – заныл Стасик, – так много народу!

– Вы же сами хотели мороженое, – заботливо ответил Олег, а сам не сводил со своей обидчицы глаз, сверля ее едким ненавистным взглядом.

Сапсонова понимала, что тот стоит сзади и смотрит на нее в упор и с презрением. Чувствовала всей спиной, всем нутром, но решила, что уходить и убегать от него не будет. Что поделаешь, теперь придется встречаться на работе и надо же! столкнулись в магазине. «А – то мало в городе магазинов. И надо было ему именно сюда за мороженым детей привести!» – с негодованием подумала она и легонько вздохнула.

– Пап, – громко предложила Алиса, – а давай в ту кассу перейдем, там быстрее.

– Дочь, там народу больше чем здесь, – не согласился с ней отец.

В их разговор вступил Коля. Выглядывая из-за мамы, он ответил девочке:

– Там пятнадцать человек, а здесь десять.

– А я тоже считать умею! – отозвался Стасик, заглянув в коляску, где сидел Колька.

– Тогда посчитай, сколько впереди нас людей, – смотрел на него мальчик, высываясь к нему.

Стас сразу стал указывать пальчиком и считать покупателей, что стояли впереди них.

Марина, затаив дыхание, ждала чем все закончится, и желала одного – поскорее расплатиться и уйти из этого магазина.

Но тут Николай с упреком сказал:

– Такой большой, а считать не умеешь!

Склоняясь к ней ближе, Олег совсем тихо, чтобы не слышали дети, с усмешкой проговорил:

– Да, куда уж нам, воришкам-то! Все в папу! А сынок-то умный, весь в маму! – съязвил он, глядя на нее сверху.

– Это, скорее, мне комплимент, чем укор, – ответила она, покосившись назад.

– Там десять человек стоит! – радостно воскликнул Стасик и вновь заглянул в коляску. – Так что, я тоже считать умею!

– Ты медленно считаешь! – не унимался Коля.

– Прекрати разговаривать с незнакомыми тебе людьми, – одернула его мать.

Мальчик окинул взглядом всех Воротниных по очереди, но послушался и замолчал.

– Весь в маму – правильный! – вновь съязвил Олег.

– И опять мне плюс, – тихо ответила она и покосилась в его сторону, – мой ребенок послушный и это факт.

– Ну да, чему может вор научить своих детей? – тихо отвечал обиженный мужчина, дыша ей в затылок.

Сапсонова ничего не ответила, а только подкатила тележку вперед и вновь остановилась. Но тут услышала, что к Воротнину подошел еще кто-то из его знакомых. Оглядываться не стала, а только слушала, о чём говорили сзади.

– Привет, Олеж, – поздоровался тот, и его голос показался ей очень знакомым.

– Ты зачем тут? – спросил его Воротнин.

– Да пивка с ребятами решили попить, – ответил негромко Тарасов. – Ты как, придешь к нам?

– Даже не знаю, – неуверенно ответил он.

– Приходи, мы в гаражах будем. Там Витек машину ремонтирует.

– Я сегодня с детьми гуляю.

– Так, мы же долго будем там ремонтироваться! – настаивал Павел, глядя на детей. – Отведешь домой и приходи. Мы и вчера там собирались. Так накидались! Шашлычок, водочка, веселая компания...

Тут Марина не удержалась и обернулась. С усмешкой глядя на водителей, она тихо произнесла:

– Да вы еще и пьяницы!

– Гляди-ка! – протянул от неожиданности Тарасов. – Она и тут воздух нам портит!

– Вот стою и думаю: в другую очередь перейти или уж тут домучиться! – ответила она и вновь покосилась в сторону своих обидчиков.

– Западло с ворами в одной очереди стоять? – усмехнулся Павел, окидывая ее своим едким взглядом.

В душе мужчины понимали, что она хороша собой, красивая, эффектная, модно и со вкусом одетая, и эти шпилечки на аккуратной ножке делали ее изящной и необыкновенно стройной. Ее коричневые выющиеся волосы, собранные в небрежную косу, придавали ей красоты и загадочности. С такими девушками надо бы дружить, но вот обида взяла верх и никак не хотела отпускать, взяв в заложники разум и душу.

– Перейдем в другую очередь? – тихо спросил его Олег.

– Да, не обращай ты на нее внимания! – вставил свое слово Павел. – Больно надо из-за нее в другую очередь переходить. Стукачка!

Сапсонова не удержалась, резко обернулась и, взглянув то на Воротнина, то на Тарасова, громко выдала:

– Вот смотришь иногда на людей и думаешь: «Да-а-а, ронял их по дороге аист»!

Покупатели засмеялись и стали оглядываться в их сторону. А она качнула головой, резко отделилась от их компании и шагнула к другой кассе. Уже оттуда мельком взглянула на них и поняла, что добила их окончательно.

Водители растерянно молчали и совсем не смотрели на нее, а по их лицам девушка поняла, что задела их за живое. «Ес»! – подумала она с радостью и тихонько улыбнулась, понимая, что дала достойный отпор сразу двум своим обидчикам. Теперь была их очередь сыпать в ее адрес угрозы и мстить ей за нанесенные обиды. В душе понимала, что входит в азарт, и боялась, что не сможет в нужный момент остановиться, и тогда может произойти непредсказуемое. Но и молчать перед ними, делая вид, что она всё стерпит, тоже не хотела.

Выходя из магазина, они вновь пересеклись, и Олег тихо, но угрожающе предупредил:

– Еще не вечер!

А сами, прихватив детей, поспешили удалиться.

Марина переложила продукты в пакеты, вытащила сынишку из тележки, и они вдвоем пошли по тихой безлюдной улочки в сторону своего дома. На душе было тяжело и в тоже время радостно. Она видела их глаза, им нечего было ответить, а это значило, что сегодня она победила их всех.

На следующий день Воротнин не появлялся на работе до обеда.

«В гаражах, наверное, засиделись допоздна, и проспал утром», – с усмешкой подумала девушка и улыбнулась. А сама уверенно пошла в столовую, в надежде, что там ее обидчика сегодня точно не будет. Они взяли обед и уселись с Викой у окошка, на их излюбленное место.

– Ну, как твои дела? Как Воротнин? Все угрожает? – спросила ее Кравцова.

– Вчера в «Перекресте» пересеклись, – стала рассказывать она, – с детьми туда приходил за мороженым.

– И что? – вскинула брови Вика.

– Опять нахамили друг другу.

– И что он сказал?

– Это я им сказала, что их по дороге аист ронял, когда нес.

Кравцова прыснула со смеху и, прикрывая рот ладошкой, весело проговорила:

– Как ты точно подметила! И что они?

– Молчали. Словно языки проглотили, – улыбалась Марина, а сама ела свою порцию второго.

Но тут у входа в дверном проеме появился Воротнин, а с ним и его верные и надежные друзья – Воронин и Тарасов.

– Их не ждали, а они приперлись, – упавшим голосом проговорила она и заметно заволновалась.

Виктория резко оглянулась, убедилась, кто там пришел, потом посмотрела на подругу и сразу успокоила:

– Не робей, я с тобой!

– Спасибо. Хоть ты меня не бросаешь, – вздохнула в ответ Сапсонова и вновь покосилась на своих обидчиков.

– И после обеда пойду с тобой до твоего растворного узла.

– Это прям... наказание какое-то... Только не пойму, за что? – тихо прошептала Марина и продолжила доедать свой обед.

Водители сразу их заметили, но сделали вид, что дамочки им безразличны и, прихватив подносы, стали ставить на них тарелки с едой. Они дружно прошли через кассу, расплатились и двинулись по залу искать свободные места.

Народу в столовой было не так много, и мест хватало на всех. Но шофера специально выбрали места поближе к ним, чтобы видеть их и говорить им колкие слова.

Они уселись через стол от подружек и стали нарочно громко разговаривать, чтобы их слышали дамы из бухгалтерии.

– Ну как, Олежа, умылась твоя премия? – спросил друга Тарасов, искоса поглядывая в сторону девушек.

– Ничего, я не гордый – переживу! – ответил ему Воротнин.

А сам взял кусок хлеба, откусил его, проворно размешал ложкой сметану в супе и принялся есть борщ.

– А это все оттого, что смазливые девчонки имеют власть над нашим начальством! – съязвил Павел, поглядывая на их столик.

Но тут за Марину вступился мужчина, сидевший напротив них. Он давно работал в этом СМУ в столярной мастерской, был на пенсии, но продолжал исправно нести свою трудовую деятельность. Высокий, седовласый, с большими мозолистыми руками, он сурово взглянул на водителей и грозно потребовал:

– А ну, хватит! Сами виноваты, а девчатам нервы трепете!

– Да ладно, дядь Коля, – стал оправдываться Тарасов, – им потреплешь нервы! Они у них из стали сделанные!

– Взрослые мужики! А ведете себя недостойно! – упрекал их Герасимов, глядя на них с упреком и негодованием из-под своих седых густых бровей.

– А кто первый начал? – вступился за друга Воронин. – Они и начали строчить докладные! Теперь пусть слушают!

– Эх! – качнул головой столяр. – Совсем мужскую честь потеряли! Метете своими языками, как бабы помелом!

– Спасибо, дядь Коля! – ласково ответила ему Вика. – Хоть вы за нас вступились.

Николай Николаевич хлопнул ладошками себе по коленям и стал вновь отчитывать развязных водителей:

– Смотрю на это безобразие и стыдно мне становится! Семьдесят лет прожил, а чтоб так с девушками обращаться, у меня и язык бы не повернулся!

– Страшно жить с таким поколением мужиков! – подхватила сразу Кравцова и посмотрела на Воротнина, давая понять, что эти слова она обращала именно ему, так как он зачинщик этому скандалу.

– Да, кому ты нужна! – махнул на неё рукой Тарасов и усмехнулся.

– А ну, цыц! – стукнул по столу кулаком Герасимов и встал со стула. – Сейчас сам выгоню вас отсюда! Что бы вели себя прилично!

Олег качнул головой, но ничего не сказал. Есть он расхотел, сразу отложил ложку и недоеденный кусок хлеба на стол, резко встал и пошел из столовой на выход. В душе понимал, что переборщил со всеми угрозами и надо бы действительно остановиться. Он уверенной походкой прошел по залу и быстро скрылся за дверью.

Тут Вика не удержалась и громко сказала:

– Видно совесть появилась! Жалко только, что у одного!

– Я голодным ходить не собираюсь! – смотрел на нее с упреком Тарасов.

– Я тоже! – подхватил Воронин и принялся есть свой суп.

Марина смотрела в сторону выхода и молчала. А Николай Николаевич встал из-за стола и, на ходу возмущаясь, пошел из столовой на улицу...

После обеда Воротнин приехал и стал под погрузку. Не выходя из машины, он ждал, когда загрузится его бетономешалка, и сразу же уехал на объект.

Сапсонова вновь вздохнула с облегчением, понимая, что очередной стычки пришлось избежать.

Почти неделю они не встречались, а только издали поглядывали друг на друга и старались обходить стороной. Но в день получки разразился очередной скандал. У Олега вычли премию и за машину бетона, который он отвез налево. Свиридов выполнил свои угрозы и оставил водителя почти без зарплаты. Разъяренный мужчина пришел на эстакаду и сразу же обрушился на диспетчера с обвинениями и новыми упреками.

– Ну что, довольна? – зло спросил он ее.

– Вы... про что сейчас?

– Дурочкой не прикидывайся! – склонился над ней Олег. – Сама начисляешь зарплату и знаешь, что с меня все выдрали!

– Я не интересуюсь чужими заработками, – ответила Марина и попыталась встать.

Но шофер не дал ей этого сделать. Он так сильно склонился над ней, что подняться она никак не могла.

– По жизни такая правильная или только со мной? – смотрел на нее в упор Воротнин.

Она невозмутимо повела бровями и спокойным голосом поведала:

– По жизни.

– Смелая очень?

Марина промолчала, ничего не ответила, понимая, что одна в диспетчерской, и кто знает, на что способен этот взвинченный водитель.

– Не работать нам здесь вместе! – зло предупредил ее Олег.

– Вам не нравится, вы и уходите, – предложила она и затихла.

– Я здесь работаю десять лет! А ты пришла сюда недавно! Вот и ищи себе другую работу!

Девушка смотрела на него в упор и жутко его сейчас ненавидела. А сама, слепив на лице удивление, переспросила:

– А если... я не буду искать?

– Пожалеешь! – вновь грозился на нее шофер.

– Сам не испугайся, – так же спокойно ответила она, чем вовсе вывела его из терпения.

Он резко схватил ее за плечи, с силой приподнял со стула и грозно проговорил:

– Не играй с огнем!

– А вы не будите ураган, вам же лучше будет! – выкрикнула Марина и оттолкнула его от себя.

– Что-о?! – протянул в растерянности Олег и замер, попятившись назад.

Потом собрался с мыслями и вновь выпалил:

– Побежишь любовничку своему жаловаться?

– Вы зря наговариваете и распускаете эти мерзкие слухи на честного человека! – стала она на защиту начальника. – Свиридов никогда не был моим любовником и не будет! Просто он умный мужчина и не дает слабым женщин в обиду!

– А я, по-твоему, дурак? – вопрошал тот, зло сверкая своими обиженными глазами. – Ах да! – вспомнил он. – У меня же мозгов совсем нет! Да и в магазинах они не продаются! А тут еще и аист меня уронил! – съязвил мужчина, вспоминая ее колкие слова.

– Вы ведете себя, как мужлан! – выговорила ему в лицо девушка, а сама была готова разреваться от отчаяния и обиды.

Но он не увидит ее слез, она ни за что не даст ему такого шанса порадоваться.

Они молча смотрели друг на друга, долго, в упор, словно хотели устроить состязания – кто кого переглядит.

Воротнин убрал руки в карманы своего комбинезона и уже спокойнее предупредил:

– Не работать нам вместе. И не попадайся мне на пути! – вновь погрозился он.

– Не поскользнитесь! – с обидой в голосе, но гордо ответила ему Марина.

Водитель какое-то время сверлил ее своим ненавистным взглядом, потом резко развернулся и пошел к выходу. Он спешно вышел из диспетчерской и сразу же побежал вниз по ступенькам. На середине поскользнулся, с трудом удержался за перила, а вслед услышал язвительный голос своей обидчицы:

– А еще угрожает! А сам на ногах стоять не умеет!

Олег оглянулся, хотел уже вернуться, но в последний момент передумал и, с досадой мотая головой, побежал дальше. Он с ходу забрался в КамАЗ, громко закрыл за собой дверцу, быстро достал из бардачка пачку с сигаретами и закурил. В голове все еще неслись обида и ненависть к этой выскочки, а сам зло посигналил, давая понять, что ждать он совсем не намерен. Машина начала загружаться, а он жадно курил сигарету, поглядывая в приоткрытое окно миксера.

Рядом подъехал и остановился Тарасов. Он лихо выпрыгнул из КамАЗа, подошел, быстро забрался в кабину к другу и с ходу выпалил:

– Вот стерва!

Воротнин ничего не ответил, а только вздохнул тяжело и думал, как теперь подзаработать денег. Ведь до следующей зарплаты еще целый месяц, а у него семья, да еще и родителям надо помочь.

– Что думаешь делать? – смотрел на него Павел.

– Воровать! – раздраженно отозвался Олег и выбросил окурок в окно.

– А если поймает?

– Пусть теперь попробует поймать!

– Может, в долг тебе дать?

– А сам на что жить будешь?

Тот пожал плечами, подумал, глядя на него, и попытался пояснить:

– Да... я же один. Мне много и не надо. А там еще заначки есть.

Воротнин помолчал, раздумывая, как лучше поступить, а потом тихо рассудил:

– Давай так, сейчас не надо, а если понадобятся, то потом спрошу.

– Лады, – поддержал его друг, а сам немного посидел и нехотя вышел из КамАЗа.

Миксер загрузился. Олег завел машину и спешно отъехал из-под бункера. Он вырулил на дорогу и, поддавая газу, быстро помчался на объект, выполнять очередной рейс. Рабочий

день начался и филонить он ни за что не станет. Прогульщиком он никогда не был и не будет, а вот с левым заработком еще подумает и решит, как теперь поступить. Он не поехал в обед в столовую, не желая встречаться там с этой упрямой и ненавистной ему бухгалтершей. По пути с объекта заскочил домой и решил перекусить там.

Нина собиралась на работу, а завидев мужа, сильно удивилась.

– Ты... что не в столовой? – поинтересовалась она, отходя от зеркала.

– Не хочу, – отмахнулся он и прошел на кухню.

– Слушай, – заговорила супруга, – я сегодня с обеда работаю и уже уйду. Подогрей сам что-нибудь.

– Ладно, – сухо ответил Олег и открыл холодильник.

– Ты зарплату получил? – из коридора спросила она.

– Получил, – отозвался он, – только в этом месяце копейки заплатили.

Нина вошла на кухню и, не скрывая своего удивления, настороженно поинтересовалась:

– Почему?! Ты что, плохо работал?

– С меня вычли за миксер бетона, что Сереге на дачу отвез. А заодно премиальных лишили и всех надбавок.

– Почему?! – растерянно смотрела на него супруга.

– Да... застукали меня, когда бетон воровал! – повысив голос, зло ответил он.

А сам громко хлопнул холодильником и прошел к газовой плите. Там сразу включил конфорку, поставил на нее чайник и стал смотреть в окно.

– Олег, я не поняла, а почему ты мне раньше ничего не рассказал? Почему ты сейчас ставишь меня перед фактом? А жить на что будем?

– Займем, – коротко ответил он.

– Может, сходить разобраться? – стала с ним рядом Нина. – Ты ходил к начальнику СМУ? – заглядывая ему в глаза, вопрошала она.

– Да, ходил я! Ходил! – раздраженно ответил мужчина и присел на стул. – Лучше бы не ходил... Наговорил ему всяких гадостей, себе хуже сделал.

– Может, я поговорю с ним? – осторожно спросила она.

Он мгновенно бросил на нее свой суровый взгляд и грозно рявкнул:

– Не смей! Сам заварил кашу, сам и разгребу!

– Ты что на меня кричишь? – обиделась супруга. – Я же не лишала тебя премии и зарплат!

– Извини... – сухо ответил Олег и, тяжело вздыхая, потер себе ладонью лоб.

– Вот ты всегда так! – стала упрекать его Нина. – Чуть что, на меня кричать начинаешь! А я-то тут при чем?

– Ты моя жена! И должна понимать, что мне сейчас самому тошно! – вновь повысил он на нее голос. – Эта докладную написала! Свиридов орет, какой день! И ты еще...

– Я понимаю, а вот ты... словно глухой!

– Слушай, иди на работу, а-то сейчас поругаемся, – предложил он, с трудом сдерживая свое раздражение.

Нина обиженно поджала губки, и ничего не говоря, взяла свою сумочку и вышла из квартиры. Она пыталась успокоиться, взять себя в руки, но обида душила, а на глаза наворачивали слезы.

Уже у подъезда столкнулась с коллегой, они поприветствовали друг друга и пошли до садика вместе.

– Что такая недовольная? – спросила ее Оксана.

– Со своим поцапалась, – коротко пояснила Воротнина и шла дальше.

– А что случилось? – поинтересовалась та осторожно.

– Да, Олега премии лишили, и зарплату не всю выплатили. Толком не поняла за что, а он накричал на меня... – с обидой ответила она.

– А я знаю за что! – уверенно заявила Ромашина.

Нина внимательно всмотрелась в ее глаза и на ходу тихо переспросила:

– За что?

– У него там целая война с новой диспетчершей, – стала пояснять ей Оксана. – Ты что, не слышала?

– Нет! – удивленно протянула она и насторожилась.

А сама замедлила ход и пошла тише, словно боялась хоть что-то упустить в ее рассказе.

– В общем, на растворный узел пришла одна фифа из конторы, – стала рассказывать коллега. – Говорят, что сам Свиридов посадил ее туда. Валю поймали вместе с шоферами на воровстве бетона и сразу выгнали. А эта – вся честная-пречестная! Пришла и сразу стала диктовать свои условия. Сама выследила твоего Олега, когда тот бетон налево повез. Сняла всё на мобильник! А наутро написала на него докладную. И теперь начальник житья ему не дает!

– А кто тебе это сказал? – удивлялась Воротнина такой осведомленности. – И почему я ничего не слышала?

– Мне девчата рассказали. А эта... теперь везде преследует твоего Олежека и говорит: «Поймаю его и посажу»! Так и сказала: «Вор должен сидеть в тюрьме»!

– Что?! – возмутилась Нина, разводя руками. – Все же воруют!

– Но попался-то твой Олег! – напомнила ей Оксана.

– Она молодая?

– Да. А еще – одинокая мамочка! – тихо нашептывала ей Ромашина, подливая масло в огонь. – И говорят, что писаная красавица!

– А при чем тут это?

– А мне сказали, что это она так к твоему Олегу клинья подбивает!

– Да, ладно!

– Что слышала, то и говорю! – убежденно смотрела на нее женщина.

– И что теперь делать? – растерянно посматривала на нее Воротнина и остановилась посреди улицы, понимая, что счастье ее семьи под большой угрозой.

Оксана стала рядом и начала тихонько ее наускивать:

– Поговорить с ней! Вот так возьми и поговори! Мол, отстань от моего мужа! Своего заведи и шпионь за ним!

– А если она пошлет меня?

– Не пошлет! Зато будет знать, что такие дела у нас не пройдут! За своих мужиков мы горой станем и отобьем от любой фифы!

Нина перевела дыхание от такой неожиданной новости и неуверенно пошла вперед, на ходу обдумывая, как теперь ей со всем этим поступить. Олег действительно приносил левые деньги домой, но никогда не попадался. А тут поймали и лишили всех заработков, да еще грозятся посадить. Вот так новость! Всем новостям новость! Да еще там замешана красивая одинокая женщина. А что если у них роман? Нет, не может быть. Она заметила бы что-то в поведении мужа необычное, а он...

А он последнее время был молчалив, замкнут и раздражителен. Точно! И она это подметила, только значения не придавала. «Неужели изменяет? Надо срочно пойти и устроить этой выскочке целую бучу. Пусть знает, как приставать к чужим мужьям!»! – подумала она и решила осуществить свой план на деле.

После обеда, когда все детки легли спать, Нина отпросилась у нянечки, оставив женщину за себя, и спешно отправилась в СМУ. Быстро нашла растворный узел, уверенно поднялась по лестнице на второй этаж, с шумом распахнула дверь и не вошла, а влетела в диспетчерскую. А

сама сразу обратила внимание на Марину и поняла, что волноваться тут есть чему: молодая, красивая, стройная, хороша собой, одета модно и со вкусом.

Она шагнула вперед и остановилась перед Сапсоновой, метая на «соперницу» свои раздраженные взгляды.

– Чем могу быть обязана? – спросила ее диспетчер совсем вежливо.

– Ты дурочку из себя не строй! – обрушилась на нее с упреками Воротнина. – Сидишь тут вся такая-растакая! Житья чужим мужикам не даешь!

– Так, – сразу поняла Марина с кем имеет дело, – вы, как я понимаю, жена Олега?

– Да! – качнув головой, язвительно отозвалась та.

– И что вы от меня хотите?

– Отстань от моего мужа! – резко заявила Нина.

А сама в упор смотрела на нее, словно хотела запугать, и уж наверняка, чтобы знала наших и впредь никогда не приставала к чужим мужьям.

Сапсонова, казалось, была невозмутима, но в душе стало так горько и обидно, но вида не подавала, только приподняла голову и спросила:

– А кто вам сказал, что я к нему пристаю?

– Да уж, сказали!

– Он сказал? – пыталась она ревнивую женщину.

– И он тоже! – соврала та, в надежде, что муж ничего об этом разговоре не узнает.

– Хотите узнать всю правду? – предложила Марина.

– Хочу! – уперлась Воротнина и присела на стул, в надежде, что скоро ей прольют свет на все и сразу и расскажут все в подробном виде.

– Я сейчас позвоню вашему мужу и стану с ним говорить. А вы слушайте и молчите, иначе ничего не поймете.

Нина сменилась в лице, заметно занервничала, понимая, что может услышать что-то непредсказуемое. А сама смотрела на нее настороженно, боясь подвоха. Но решилась и заинтересовалась:

– А... как я услышу?

– Я включу громкую связь. Обещаете, что будете молчать и слушать?

– Обещаю... – неуверенно отозвалась ревнивая супруга и, заинтригованная, внимательно разглядывала симпатичное и милое личико совсем молоденькой диспетчерши.

Сапсонова взяла журнал записей в руки и положила его перед собой. Она спешно полистала странички, нашла там номер Олега, быстро набрала его и стала ждать. Её сердечко взволнованно заколотилось, оно было готово вырваться наружу и разрыдаться рядом с ней. Так больно ей сейчас было, так обидно, и не ожидала она, что против неё пойдут не только шофера, но к ним присоединятся ещё и их жены.

Воротнин ответил сразу же.

– Слушаю, – проговорил он, и его слова эхом разлетелись по диспетчерской.

– Олег Сергеевич, вы можете ответить на мои вопросы прямо сейчас? – спросила она мужчину, крепко сжимаю трубку в руке.

– А потом нельзя? – послышался недовольный голос водителя.

– Надо сейчас и сию минуту, – настойчиво требовала Марина, намереваясь немедленно остановить все эти сплетни в её адрес.

– Валяй, – буркнул недовольным голосом тот и замолчал, понимая, что вражда враждой, а в рабочее время он обязан быть на связи с диспетчером.

– Скажите, пожалуйста, когда это я к вам приставала, как к мужчине? Или вы ко мне?

– Чушь собачья! Еще бы я к тебе приставал!

– Вот и я говорю, врут же люди... Только понять не могу, зачем? – говорила она, готовая вот-вот разреветься, а сама смотрела на Нину. – Я думала, что дела по работе никак не коснутся

моей личной жизни. Но меня и вас... уложили в одну постель... И если честно, то мне больно и обидно.

– Что-о?! – протянул водитель. – Кто такой смелый?

– Много кто... и ваша жена тоже...

Воротнин на какое-то время замолчал, а потом грубо спросил:

– Она что, приходила к тебе?!

– Да, мы с ней разговаривали.

– Что она там делала? Она же на работе?! – возмутился мужчина. – Вот дура! – тихо произнес он.

Марина вздрогнула при таких словах и внимательно посмотрела на Нину. А сама увидела, как наполнились глаза женщины слезами, и поняла, что теперь в их семье будет большой скандал.

– Что она еще тебе наговорила? – вновь спросил он.

Девушка осознавала, что надо прекращать разговор, видела глаза Воротниной и в душе очень даже пожалела, что вообще затеяла всё это. Но остановиться уже не могла, ведь ей и самой было больно и обидно за все, что тут про неё наговорили. Да ещё пришли к ней на работу с разборками и угрозами.

– Требовала, чтобы... я от вас... отстала... – запинаясь, ответила она.

– Идиотка! – выругался Олег. – Я с ней сам разберусь, – пообещал он громко.

– Вы попытайтесь объяснить ей, что между нами ничего не было и быть не может. Я не хочу, чтобы она вновь ко мне приходила.

– Больше не придет, обещаю.

Тут Нина не удержалась и встала, резко выхватила у неё трубку и дрожащим голосом громко выкрикнула:

– Ну, спасибо, Олежек! Век не забуду твоих ласковых слов!

– Ты?! – удивился Воротнин, слышав голос жены.

– Да, дорогой! Это я – твоя идиотка и дура!

– Что ты там делаешь? – зло протянул он.

– Пришла тебя защищать! – ответила она и громко всхлипнула.

– Домой иди, там поговорим! – рявкнул на нее Олег.

Нина положила трубку на стол, резко повернулась и спешно вышла из диспетчерской.

Сапсонова замерла, не зная, что предпринять дальше. Она верила и надеялась, что мужчина станет защищать себя и жену, поймёт её, поддержит, ведь так бывает в нормальных и счастливых семьях. И возможно, где-то даже обрадуется, что у него такая надежная и верная супруга, которая услышала про его проблему и сразу встала грудью на его защиту. Но никак не предполагала она такого вот конца.

– Ты зачем это сделала? – спросил ее Олег, и его слова эхом разлетелись по диспетчерской.

– Извините, я не думала, что так выйдет...

– А о чём ты вообще думала? – закричал на нее водитель. – Довольна?!

– Нет... – дрожащим голосом ответила Марина. – Так нечестно! – выкрикнула она с обидой. – Вы все на меня и ещё жён подключили! А я одна! – а сама не удержалась и заплакала.

– Я её не подключал, – уже тише отозвался Воротнин, понимая, что его обидчица сидит там и плачет.

Он не мог знать всего, что наговорила ей Нина. Ведь дамские разборки иногда бывают страшнее мужских драк. Тут надо знать наверняка, что было между женщинами там – на эстакаде. И раз Сапсонова плачет, значит, Нина тоже наговорила ей много чего обидного. И впервые за все это время, ему стало не по себе за все те грубые слова, которыми он высказывался в ее адрес.

– Тогда зачем она ко мне приходила? – вновь выкрикнула Марина и громко всхлипнула. – Что вы все от меня хотите?

– Всё, проехали... – ответил Олег и отключил мобильник, а по диспетчерской полетели короткие громкие гудки.

Марина перестала плакать и, затаив дыхание, думала, что теперь будет. Она отключила телефон, уронила голову себе на руки и решила, что пора всё это прекращать. Посидела так немного, потом подняла голову и посмотрела на себя в зеркало. Аккуратно вытерла слезы с глаз, тут же встала, взяла свою сумочку и поспешила на выход. Там спешно закрыла за собой дверь на ключ и уже спускалась вниз по ступенькам. У входа столкнулась с очередным водителем, который приехал под загрузку.

Тот видя, что она уходит, возмущенно спросил:

– А кто раствор отпускать будет?

– На сегодня раствора больше не будет, – сухо ответила девушка и шагнула мимо него.

Мужчина заметил слезы на ее глазах, сразу понял, что у диспетчера что-то случилось, но не удержался и вновь выкрикнул:

– И что, опять целый день простой?!

Но Сапсонова уже не слышала его, а уверенной и быстрой походкой, цокая своими шпильками по асфальтированному тротуару, спешно шла в сторону офиса.

Свиридов был на месте, он сидел в своем кабинете и разговаривал с кем-то по телефону.

Не обращая внимания на возражения секретарши, Марина резко рванула дверь на себя и уверенно шагнула в кабинет. Она сразу прошла к столу и с понурым видом предстала перед начальником.

Тот вскинул удивленно свои густые брови и, видя негативный настрой сотрудницы, ответил в трубку:

– Я потом перезвоню. Тут ко мне пришли по важному делу, – и положил мобильник на стол. – Что случилось? – спросил он, глядя на нее.

Марина шагнула ближе, медленно присела на стул, ломая и теребя в руках ремешок своей сумочки, а сама с трудом справлялась с нахлынувшими эмоциями и была готова разреветься на весь кабинет.

– Я не могу там больше работать... – дрожащим голосом ответила она.

– Почему? – смотрел на нее Геннадий Михайлович.

– Если сейчас же не заберете меня оттуда, то я пишу на увольнение...

– Что случилось, ты можешь мне рассказать?

– Нет, – мотнула головой девушка, и по ее щекам градом покатались слезы.

– Опять Воротнин? – догадался он сразу.

– Нет, – соврала она и всхлипнула.

– А кто?

Марина промолчала и только тихонько всхлипывала, перебирая кожаный ремешок от сумки.

Свиридов понимающе вздохнул, немного подумал, потом пододвинул к себе телефонный аппарат и быстро набрал номер отдела кадров. Он дождался, когда ему ответят, и громко спросил:

– Галина Семеновна, у нас там никто не пришел устраиваться на работу?

– Пришла женщина. Хочет устроиться, но образования нет. Просится к строителям. Что делать будем?

– Бери ее на растворный узел. А если она так хочет работать на стройке, то мы ее потом переведем, а ей найдем замену.

– Хорошо.

– И, если можно, пусть она сейчас же приступает к своим обязанностям. Поставим ей сегодня полный рабочий день.

– Я вас поняла. Она к вам сейчас зайдет.

Геннадий Михайлович положил трубку и стал внимательно и с жалостью рассматривать свою сотрудницу. Он уже догадывался из-за чего именно она оттуда сбежала, или точнее – из-за кого. Но он потом с ним разберется, а сейчас, глядя в эти красивые заплаканные глаза, не знал, что сказать.

В кабинет постучались, и начальник громко ответил:

– Войдите.

Дверь приоткрылась и к ним вошла женщина средних лет, приятной внешности и красиво одетая. Она вежливо поздоровалась, посмотрела на начальника СМУ, а потом украдкой на Марину.

– Присаживайтесь, – указал ей на стул Свиридов.

Щукина уверенно прошла к столу и аккуратно присела на свободный стул.

– Вы пришли устраиваться на работу?

– Да, – кивнула она головой.

– Нам сейчас позарез нужен человек на растворяющем узле. Вы не хотите там поработать?

– Но я не умею, – возразила Евгения, пожимая плечами. – Если меня кто-то научит...

– Вот Мариночка и научит, – указал он глазами на Сапсону. – Сходи, пожалуйста, – попросил он вежливо, – сдай все и объясни, что и к чему.

– Хорошо, – согласилась она и, вытирая слезы, встала со стула.

– Только одно условие, – строго предупредил Геннадий Михайлович, рассматривая новую сотрудницу, – поймаю на воровстве, сразу уволю!

– А мне и не надо воровать! – пожалала в недоумении женщина плечами. – Да... и не умею я!

– Зато водители у нас умеют. А за ними смотри и смотри.

– Обещаю, что не подведу вас, – приятным мелодичным голосом заверила его Щукина.

– Вот и ладненько! – радостно отозвался начальник. – Тогда идите и принимайте. Да, – напомнил он, – и зайдите в отдел кадров, напишите заявление.

– Спасибо, – обрадовалась Евгения и не скрывала своей радости по поводу такого быстрого приема её на работу.

Они вышли, Щукина по пути зашла в отдел кадров, а Марина заглянула к себе в кабинет, но никого там не увидела. Она прислушалась к голосам, что доносились с соседнего отдела напротив, и поняла, что все собрались там. Но идти сейчас туда не решилась, не то было настроение.

Вскоре сотрудницы вышли на улицу и пошли в сторону растворяющего узла. Женя пыталась, что-то спрашивать, Сапсону скупой ей отвечала, а сама шагала вперед и желала одного – впредь никогда не встречаться с Воротиным и его женой. На душе было гадко и отвратительно. Получалось, что она свела мужа и жену, и теперь они из-за нее крупно поссорятся. Здесь можно было, конечно, и оправдаться, сказав, что не она все это затеяла. Но в том-то и дело, что она. И Марина это понимала и осознавала. Скажи она Олегу, что рядом с ней сидит его супруга, не наговорил бы он в ее адрес столько обидных и грубых слов. А если наговорил? Но тогда все было бы честно. И не мучили ее сейчас угрызения совести, и не терзала она свою и без того уже истерзанную душеньку.

Женщины пришли на растворяющий узел, а под эстакадой и вокруг нее уже собралось много машин, и водители встретили их с шумом и упреками:

– Мариночка, – возмущался Иванов, – опять простой на полдня!

– Целый день без работы! – упрекали ее другие водители.

Видя положение дел, Щукина уверенно за нее вступилась:

– Ну, что раскричались? Будет вам сейчас бетон!
– А вы кто у нас будете? – стал рядом с ней Перепелкин.
– Теперь я буду отпускать вам раствор, – добродушно пояснила она.
– А Марина куда? Обратно в бухгалтерию?
– А Мариночка будет свою работу выполнять.
– Вопрос можно? – вставил свое едкое слово Воронин. – Стучачить на нас тоже будете начальству?

Сапсонова резко взглянула на него, но промолчала, а только поспешила скрыться в диспетчерской, не желая выслушивать очередные упрёки в свой адрес.

– Буду! – заявила всем Евгения. – Будете воровать, буду всё докладывать начальнику СМУ!

– Еще одна ябеда пришла! – послышался голос из толпы.

Щукина ничего не ответила, сразу повернулась и пошла догонять обиженную девушку.

Уже вскоре они стали рядом, и Марина начала объяснять ей, что надо делать: как принимать бетон, как выдавать раствор, как все запускать и делать замесы. Потом, как загружать машины и на какие объекты отправлять. А еще, как принимать заявки и вести учёт всему. Ничего не упустила, всё растолковала и помогла женщине попробовать загрузить машину. Поняла, что смышленная, сразу всё схватывает, и решила, что делать ей теперь здесь нечего, спешно попрощалась и ушла.

Она брела по тротуару вдоль дороги в сторону офиса и желала одного – скорее добраться до дома. А там забраться на свой любимый диван и дать волю слезам. Да-да, слезам. Она так устала за все эти дни напряженной борьбы, от всех этих упрёков и унижительных разборок. «Правильная слишком! – ругала она себя на ходу. – Теперь в семье из-за тебя будет большой скандал». А этого она жутко не хотела, потому что сама недавно развелась с мужем и знала, что это такое не понаслышке. Но в душе верила и надеялась, что Воротнины поругаются, а потом обязательно помирятся. А ее уже не будет между ними, она станет вновь тихонечко работать в бухгалтерии, и со временем всё вернется на свои места. Но она ошибалась, и с этого дня все пошло не по тому сценарию.

Утром Марина Александровна, как всегда, пришла на работу и заняла свой столик.

Следом появилась Виктория и очень обрадовалась такому внезапному возвращению подруги.

Марина все в подробных деталях рассказала Кравцовой про вчерашний день, та ее внимательно выслушала, где-то посочувствовала, где-то поддержала, но в основном заявила:

– Знаешь, не казни себя и не ругай! Ты по работе только докладную на него написала, но это твоя работа и твой кусок хлеба! А вот он, все продолжил! Вместо того, чтобы остановиться и покаяться, он раздул все до небес и думает, что он герой! Своровал? Поймали? Будь добр – смиришься! И прими все как есть! И мой тебе совет: пошли его куда подальше и забудь!

Сапсонова тихонько вздохнула и удрученным голосом ответила:

– Я, наверное, просто... устала... от всего этого напряжения.

– Расслабься и выкинь из головы! – бойко наставляла Вика.

– Попробую, – согласилась она и принялась за работу, которой в ее отсутствии скопилось в большом количестве.

А сама медленно включила компьютер и стала делать начисления для тех же водителей, которые объявили ей настоящую войну. Работа есть работа и тут ничего не поделаешь, надо забыть обиды и начислять зарплату всем. А-то они ее точно переедут все разом и на всех КамАЗах одновременно.

Ближе к обеду к ним в кабинет вошла Платонова, тихонько вздохнула и печально взглянула в сторону Марины. Потом неуверенно подошла к ее столу, опустилась перед ней на стул и интригуяюще спросила:

– Угадайте, кто сейчас ко мне приходил?
– Воротнин! – мгновенно отозвалась Кравцова, а сама смотрела на бухгалтера и думала, что попала в точку.

– Нет. Его жена!

– Зачем? – настороженно поинтересовалась Марина.

– Взяла справку о зарплате... На развод подает.

– Ого! – воскликнула Виктория и под села к ним ближе. – И что сказала?

– Я же их хорошо знаю! – вздохнула женщина. – Даже жалко как-то... Пыталась отговорить ее, а она и слушать не хочет.

– Что, все так плохо? – смотрела на нее Вика.

– Говорит: пришла домой, разразился скандал. Олег уговаривал не делать глупостей, а ей так обидно, что не знает, как с ним дальше жить.

– Может, поспихуют и помирятся? – грустным голосом спросила Кравцова, переводя взгляд на подругу.

Та сидела, затаив дыхание, и даже не моргала.

– Да вряд ли, – пожала плечами Платонова. – Они и раньше ссорились, но... чтобы так... Настроена совсем решительно. Говорит, что к маме переедет жить, всё ему оставит. Не нужна ему, и ей от него ничего не нужно. Квартира его, он получал, по-видимому, в скандале Олег сказал об этом, вот она и обиделась еще хлеще.

– У них же дети, – выдавила из себя Сапсонова. – Можно ради них не разводиться. Я их видела, они такие славные!

– Да, кто сейчас о детях думает! – махнула рукой Нина Васильевна.

– Это все та докладная, – сокрушалась Марина и очень сожалела о том скандале, – это я во всем виновата, – морщилась она от досады, раздумывая, как все можно исправить.

Потом вдруг решила:

– Я пойду и поговорю с ней!

– Ты что? – попыталась остановить ее Вика. – Что ты ей скажешь? Да... и будет ли она тебя слушать?

– Будет, – уверенно заявила она и встала из-за стола. – Я это начала, я и попытаюсь все остановить. Они не должны разводиться из-за этого. Ну это же все работа! А что на работе только не бывает? Все ругаются. Приходят к нам насчет зарплаты выяснять, орут тут, кричат, но не разводятся же!

Платонова тяжело вздохнула, а Марина прошла мимо нее, потом остановилась и быстро спросила:

– Где они живут?

– У «Детского мира», там дом девятиэтажный, – стала объяснять ей женщина.

А сама взяла авторучку, лист бумаги и написала точный адрес, а заодно назвала садик, в котором работала Воротнина.

Девушка приняла листок с адресом и уверенно шагнула к выходу. Останавливать ее никто не стал, все понимали – это совсем бесполезная затея.

– Ой, что теперь будет! – в расстроенных чувствах протянула Кравцова и перевела взгляд на Нину Васильевну. – Что-то я боюсь за нашу Маришку. Вдруг Нина ее побьет.

– Да брось ты, – отмахнулась Платонова, – она не из тех, кто станет драться. Тем более, что зла она на мужа, а не на нее.

Потом помолчала немного и вновь высказалась:

– Даже жалко как-то...

Сапсонова нашла дом, в котором жили Воротнины, поднялась на лифте на пятый этаж, робко подошла к квартире, немного постояла в нерешительности и уверенно нажала на звонок. Но никто не открыл. Тогда позвонила еще раз и еще, но за дверью было тихо. Сразу посмотрела

на свои наручные часики и решила, что, скорее всего, Нина на работе. Не раздумывая, она отправилась туда и не ошиблась, Воротнина действительно была в своей группе и занималась с детьми.

Марина неуверенно шагнула вперед, тихонько приоткрыла дверь и, глядя на воспитателя, позвала:

– Нина, можно вас на минутку...

...Утром Олег решил попросить у жены прощения, но она даже слушать его не захотела, спешно собралась и вышла из квартиры, громко хлопнув при этом дверью. Он с досады стукнул кулаком в стену, немного постоял так, а потом решил, что обязательно заедет к ней в садик и попытается примириться там. А вечером они возьмут сына и дочку и вместе пойдут гулять, и всё снова будет как раньше.

Он прошел в комнату к детям и стал будить своих чад. Надо успеть завезти их к бабушке, да и самому было пора отправляться на работу.

Стрелки часов показывали половину седьмого. Мужчина быстро растолкал ребятшек, а сам пошел на кухню. Там заварил Алисе и Стасику чай, а себе спешно сварил кофе.

Один за другим дети пришли к столу и полусонные уселись на свои стулья. Какое-то время они сидели тихо, но потом Стасик ногой нащупал под столом мяч, резко заглянул туда и схватил его в руки.

Алиса начала живо отнимать у него игрушку, и они тут же поссорились.

Отец подошел, встал перед ними и строго сказал:

– Так, мяч купили двоим, и играть будете в него вдвоем!

– А я его понесу... – заныл сразу Стас.

– Ты маленький, он у тебя укатится под машину! – возразила ему сестра и показала язык.

– Тогда я его понесу, – строго прикрикнул на них Олег и отобрал у детей их забаву.

Ребятишки мгновенно насупились. Тихонько, чтобы папа не видел, показали друг другу языки и стали завтракать, понимая, что по-другому не будет.

Уже вскоре они вместе вышли на улицу, дружно уселись в иномарку и поехали в частный сектор.

Воротнин сдал детей маме, пообещал, что вечером заедет за ними, и заспешил на работу. Он быстро добрался до СМУ, припарковал «Форд» на стоянке и направился в гаражи. По пути встретил своих друзей, и они дружной компанией завалились в диспетчерскую за путевками.

Получив наряды, водители разошлись каждый по своим машинам. Ничего не подозревая, Олег приехал на растворный узел и уже там узнал, что у них новый диспетчер, которую зовут Женя.

– А та куда делась? – с усмешкой спросил он.

– Вернулась под крылышко своего «опекуна»! – ответил Тарасов, делая ударение на последнее слово.

– Давно бы так, – вздохнул с облегчением Воротнин и поехал под загрузку.

Сделав несколько рейсов, он встретил на стройке инженера по технике безопасности. Тот подошел к нему и осторожно поинтересовался:

– Олег, вы что, разводитесь с Ниной?

– С чего ты взял?! – пожал тот в недоумении плечами.

– Ваша жена приходила сегодня в бухгалтерию и взяла справку о зарплате... Сказала, что... подает на развод...

– Что?! – не поверил водитель его словам и замер, соображая, правду тот говорит или шутит сейчас. – Не может быть...

– Я там был в то время, – смотрел на него Киреев с сочувствием, – случайно услышал... Даже сам расстроился.

– Идиотка! – выругался Олег протяжно.

А сам мгновенно бросился к своей машине. Там спешно забрался в кабину, завел КамАЗ и, набирая скорость, быстро помчался в сторону города.

На всей скорости он мчался по дороге, притормаживая на светофорах, а сам все думал, как теперь быть. В душе не верил, что Нина вот так сразу подаст на развод, не такая уж и плохая у них была семья. Всегда вместе, всегда дружно, он все в дом, все в семью, она заботливая жена и хорошая хозяйка. Да воровал, да халтурил налево, но опять же, всё для семьи! Не для любовницы, как другие, а для своих же родных, дорогих ему детей и супруги. Жене наряды и украшения, чтоб покрасивее, да подороже, а детям игрушки и сладости, что поинтереснее и повкуснее. А теперь развод? Да ссорились иногда, но не сильно же. Так, по мелочам, как все! Разве из-за этого разводятся?

Он на большой скорости подъехал к садику, резко затормозил, и КамАЗ стал как вкопанный.

Мужчина оставил миксер на стоянке, выпрыгнул из кабины и заспешил в группу, где работала Нина. Он быстро и уверенно прошел по тропинке, свернул к двери, вошел в нее, хотел уже подняться на второй этаж, но резко остановился и замер, вслушиваясь в знакомые ему голоса.

– Нина, послушайте, – стала уговаривать ее Сапсонова, – это я во всём виновата. Не подавайте на развод. Я просто свредничала тогда, а остановиться не смогла, понимаете?

– Да, причем тут ты?! – с обидой ответила ей Воротнина.

– Все шофера на меня ополчились из-за той докладной. Вот я и приняла их вызов. А потом обида так захлестнула! Их много, а я одна, и все мне бойкот объявили: в столовую не пойди, на работе подколы и угрозы... А когда вас увидела, так обидно стало! Сначала подумала, что это он вас ко мне подослал. Думаю: «Ну надо же, и жен против меня настроили!»

– Мне теперь все равно!

– Почему всё равно? У вас же дети! Вы о них подумали? Он муж ваш, вы должны были встать на его защиту. Если бы с моим мужем так, я бы тоже вступилась за него. Пусть потом поссорились с ним дома, но на людях, я бы стала защищать его до победного конца. И вы правильно всё сделали. Только я поступила не совсем корректно. Но я надеялась, что Олег станет вас защищать, а не говорить те обидные слова.

– Что тебе от меня надо? – грубо спросила ее Нина.

– Вы должны были понять его. У него неприятности на работе, его лишили премии, зарплаты, его поддержать надо было! Он мужик, он кормилец, он должен был принести в дом деньги, а не принес. Он расстроился и сгоряча сказал те обидные слова. Я понимаю вас, но его тоже надо понять! Вы же жена его! Кто же его тогда поддержит, как не вы?

– Мне теперь все равно! – упрямо твердила Воротнина, не желая ничего слышать про мужа.

– А как же надежный тыл? Как же понимание, поддержка? Я сама разводилась и знаю, что это такое. Дитё без отца растёт... Я совсем не хотела, чтобы в вашей семье были такие разногласия. Это просто работа, а там всяко бывает! Поверьте, пожалуйста...

– Я поверила. Что дальше? – с обидой смотрела на нее женщина.

– Детям нужна семья, – стояла на своем Марина, – роднее мамы и папы у них никого не будет. Вы молодая, красивая, вы найдете себе половинку, но никто и никогда не заменит детям родного отца.

– Ты же развелась! – напомнила ей Нина.

– У меня другое было, – стала объяснять она, – он обижал меня, очень сильно! И Кольку тоже... Я пробовала бороться за него, но пороки взяли верх. И чтобы спасти себя и сына, я подала на развод. Там нельзя было жить. Но у вас-то другое! Подумаешь, поссорились, с кем не бывает. Но всегда можно помириться.

Та немного помолчала, разглядывая ее с головы до ног, потом тяжело вздохнула и, не зная зачем, призналась:

– Да... тут тоже другое... Нет любви, поэтому и не могу простить.

– Как нет? – оторопело смотрела на нее девушка.

– Гуляли на вечеринке, напились, переспали, я залетела... – стала признаваться она. – Он узнал через месяц от моей матери и решил прикрыть мой позор. Понимали, что не любим друг друга, но ради ребенка стали жить. Потом Стасик родился, Олег в нем души не чает. Вроде... все нормально, а любви нет. Он накричит, а я уйти хочу. Он скажет, что резкое, а я жить с ним не хочу. А сейчас понимаю, что дальше так нельзя. Всё кончилось. И этот скандал... даже хорошо, что он произошёл.

– Всё у вас наладится!

– Спасительница, – усмехнулась в ответ Нина. – И между вами правда ничего не было?

– Клянусь, чем только можно! – положила руку на грудь, призналась Марина. – Мы только ругались и всё. Ваш муж меня дико ненавидит, а я его. Он меня машиной обещался переехать.

– Ладно, спасибо, что пришла. А-то наговорили мне тут про вас... Вот я и поперлась выяснять с тобой отношения. Правду говорят: выслушай подругу и сделай всё по-своему, – с досадой сказала она и замолчала.

– Простите меня...

– Мы все равно развелись бы, тут дело времени. Год плюс – минус, какая разница... Лучше сейчас.

– А дети?

– А что дети? Он будет к ним приезжать, забирать к себе, когда захочет. Они не будут обижены.

– Простите меня, я... не хотела...

– Да ладно, сама виновата. Нечего было ходить, куда не надо! – оправдывала ее Нина. – Сама не знаю, зачем тогда пошла к тебе? – недоумевала она. – Урок на всю жизнь.

Потом немного помолчала и с улыбкой на лице рассудила:

– Посмотрим, может, годика через два благодарить тебя приду.

Марина немного помедлила, поняла, что свое дело она сделала, повернулась и медленно пошла вниз по ступенькам.

Нина проводила ее долгим внимательным взглядом и заспешила в группу к детям, понимая, что оставлять ребятишек одних никак нельзя.

Олег словно онемел от такого признания жены и готов был выйти и попытаться уговорить ее – не делать такого необдуманного шага. Но там была та бухгалтерша, а при ней выяснять отношения с супругой он не хотел.

Мужчина спешно вышел на улицу и притаился за углом здания, ожидая появления этой несносной вредины с бухгалтерии. И как только она прошла мимо него, он резко шагнул вперед, схватил ее за руку, мгновенно развернул лицом к себе, чем очень напугал ее, и с гневом в голосе раздраженно спросил:

– Ты зачем сюда пришла?! Что тебе здесь надо? Без тебя разберемся!

– Простите меня... Я совсем не хотела, чтобы вы разводились... – дрожащим голосом ответила девушка, – хотела вас помирить...

– Помирила?!

– Нет... – жалобно протянула она, и по её щекам градом покатились слезы. – Я надеялась уговорить вашу жену не разводиться с вами. Думала, все объясню ей, и она вас простит... А она... не хочет...

Олег смотрел на неё и не мог понять, где она настоящая, а где притворяется. Там в СМУ она давала ему достойный отпор и, казалось, совсем не боялась его. А сейчас стоит и плачет перед ним, желая, чтобы в их с Ниной семье были лад и согласие. Он видел и был уверен, что она сильная женщина, а теперь понимал, что это не так. Но, возможно, это была ее очередная уловка, и эта вредина готовила очередной план мести. Но большее уже не сделать. Все что можно, то сделано, и теперь вся его семья рушилась на корню, и ко всему этому причастна она – Марина.

– Уходи отсюда, – потребовал он тише и выпустил ее руку. – Сами разберемся, без помощников. Помогла уже... достаточно.

– Простите, я не хотела так... – ответила Сапсонова и быстро пошла по тропинке к калитке, словно старалась убежать от них и больше никогда не встречаться с этой семьей.

Олег проводил ее долгим пристальным взглядом, с досадой качнул головой и, повернувшись, быстро пошел к машине. Он понимал, что говорить именно сейчас с Ниной – была бесполезная затея. Возможно, она поразмыслит над словами этой бухгалтерши, а вечером вернется домой, и тогда он вновь попросит у нее прощения, и они обязательно помирятся. И все у них пойдет как раньше.

Мужчина ехал и думал над словами Сапсоновой. «Он же муж ваш! А как же надежный тыл? У меня другое, там нельзя было жить... Пороки взяли верх...» «Заступница тоже нашлась»! – с досадой подумал он, а сам уже подъехал к СМУ. Работать совсем не хотелось, разговаривать с кем-либо тоже, сразу начнут в душу лезть, а там было больно, одиноко и тоскливо. «По пьянее переспали, а он прикрыл мой позор», – вновь вспомнил он слова жены и задумался. А ведь так оно все и было, и любви между ними никогда не было. Но была симпатия, уважение, понимание, и лучшее тому доказательство – это их дети. Вон какие они у них красивые и смышленные. Разве такие родились бы, не будь между ними светлых чувств.

Но Нина подала на развод и даже не стала его слушать. Она сразу собрала вещи и переехала жить к своим родителям в частный дом. С собой забрала детей и пообещала, что ни в коем случае не станет запрещать им видеться с отцом. Женщина заверила, что в любое время суток, как только он пожелает, или дети захотят с ним пообщаться, то сразу же позвонит ему, и Олег сможет приехать и забрать их к себе. И на все попытки объясниться, она коротко отвечала:

– Нет любви, и ты сам это знаешь. Чего тут клеить и кроить?

Мужчина весь осунулся, на работе был неразговорчив и замкнут, переживая по поводу развода.

Друзья старались в душу не лезть, все и без слов понимали его состояние. А только постоят с ним молча, покурят, да и разойдутся по своим машинам. Что тут скажешь, когда в семье произошла настоящая трагедия.

Сапсонова долго переживала по этому случаю, винила себя за несдержанность, но вида не показывала, на людях была мила и общительна. Она старалась не встречаться с Воротниным, боялась его, и даже в столовую теперь ходила позже всех, не желая с ним пересекаться. От Платоновой узнала, что Нина ни в какую не согласилась на примирение и теперь живет с детьми у родителей, а мужчина один в своей трехкомнатной квартире.

Олег приехал из суда, куда их вызывали по поводу развода, молча выпрыгнул из машины и нехотя побрел в столовую. Перед глазами стояла Нина, и ее уверенные слова резали душу.

– Вы твердо решили развестись? – спрашивала их судья.

– Да, – заявила женщина.

– А вы, Олег Сергеевич?

– Я нет! – почти выкрикнул он, резко взглянув на супругу.

– Расскажите суду, по какой причине вы хотите расторгнуть брак?

– Мы не любим друг друга. И у меня есть другой мужчина, – четко отвечала Нина на заданные ей вопросы.

Олег был удивлен и сражен такими признаниями жены, но молчал и только ждал, когда все закончится, чтобы устроить ей настоящий допрос.

– Даю вам время на перемирие, месяц устроит?

– Перемирия не будет, – заверила всех Воротнина. – Общаться с ним буду, а жить больше нет.

– У вас дети, подумайте хорошенько, – пыталась отговорить ее судья.

Но женщина уперлась и никак не соглашалась на примирение с мужем.

– Я все давно обдумала, – сказала она уверенно.

– Олег Сергеевич не дает согласия на развод, значит, назначаю вам новое слушание. Не помиритесь, тогда разведу вас окончательно, – сказала своё последнее слово судья и встала из-за стола, давая понять, что суд окончен.

– Мне все равно, – стояла на своем Нина, – но жить я с ним больше не буду.

Они вышли из здания суда. Олег брел сзади и внимательно смотрел на нее. Он не удержался и сразу же спросил:

– Про какого мужика ты тут говорила?

Она остановилась на ступеньках, повернулась к нему и честно призналась:

– Я соврала. Нет у меня никого. А-то не разведут.

– Ты могла бы меня предупредить?

– Нет. Ты тогда стал бы меня отговаривать и сказал судье, что я вру.

Он схватил ее за руку, притянул к себе и, глядя в ее грустные глаза, громко сказал:

– Что ты делаешь, опомнись!

– Все, Олеж, – смотрела на него женщина, – я на жизнь по-другому смотрю. Я чувствую себя счастливой. С меня словно камень свалился. Не любим мы друг друга, чего тут кроить? Себе жизнь поломала и тебе загубила. Не надо было нам тогда жениться, давно бы встретили свои половинки. Но я не жалею! У нас с тобой есть Алиска и Стасик. Вот ради них готова все забыть и начать все сначала. Давай договоримся: ты еще молод, я молодая, будем общаться и гулять с детьми вместе. Даже в гости к тебе буду приходить на день рождения, но как к другу и не более того. Но назад я уже не вернусь. Думаю, встречу я еще кого-нибудь. И ни за что не пойду замуж, если не буду его любить.

– Как все глупо вышло... – с досадой качнул головой Воротнин.

А сам смотрел в ее большие голубые глаза, словно искал там ответа, и тихо спросил:

– Если не тот скандал, ты ушла бы от меня?

– Может, сейчас не ушла, но я уже об этом думала. Просто повод искала. Так что, ты не вини ту девушку, я ей даже немного благодарна. Она приходила ко мне, плакала, прощения просила.

– Я знаю.

Нина повела бровями, с удивлением взглянув на него, а сама спросила:

– Она тебе рассказала?

– Нет, я стоял внизу и все слышал.

– Да?! А... что же ты не подошел?

– Не хотел вам мешать. Думал, ты послушаешь ее и останешься со мной.

– Олег, давай останемся друзьями. И давай всё принимать как есть. Я не вернусь к тебе. Ты умный, красивый, здоровый, положительный. Без вредных привычек и работающий... Ты хороший семьянин. Но... я хочу просыпаться и засыпать счастливой. А с тобой я делала вид, что счастлива. Прости, я устала притворяться. Понимаю, что больно, но давай разом со всем покончим. Ты еще встретишь девушку, и у тебя все будет хорошо.

– Странно, обычно мужики уходят из семьи, а тут жена не желает жить с хорошим и положительным мужем, – с грустью усмехнулся он, а в душе понимал, что все кончено.

– Прости, ты правда очень хороший. Давай не станем губить остаток лет на то, чтобы думать, что все стерпится и слюбится. Ты был хорошим мужем. Ты делал все, чтобы у нас была семья. Но я не хочу больше тебя мучить. Хочу развязать тебе руки, которые когда-то связала. И будем просто друзьями.

– Друзьями! – усмехнулся он и замолчал, отводя взгляд в сторону.

Потом вновь посмотрел на нее и признался:

– Все это теперь надо как-то переварить...

Они вскоре расстались, Нина поехала на работу в садик, а Олег сразу же отправился на своем КамАЗе в СМУ. Время было обеденное, и он решил, что надо бы и подкрепиться. После того, как узнал, что жена подала на развод, аппетит пропал напрочь. Он только курил сигарету за сигаретой и пил крепкий кофе. А теперь понимал, что начинает приходить в себя и отходить от всех потрясений и переживаний сразу.

Он вошел в столовую и сразу увидел за столиком у окошка Марину. Девушка была одна без своей подружки и одиноко обедала, сидя на своем излюбленном месте. Последнее время они не пересекались, даже в столовой на обеде. Видно, бухгалтер избегала встречи с ним, вот и старалась не приходить со всеми, и он понял это сейчас, глядя на нее.

Сапсонова не сразу его заметила, так как сидела спиной к выходу и была погружена в свои мысли.

Олег поставил тарелки на поднос, расплатился на кассе и медленно пошел по залу. Он тихо остановился у ее столика, а она, погруженная в раздумья, резко вздрогнула и не могла скрыть своего волнения.

– И что мне теперь с тобой делать? – спросил мужчина и поставил поднос на стол.

Он медленно опустился на стул напротив нее, а сам наблюдал за ее глазами, которые от волнения стали еще больше и красивее.

Марина молчала. Она застыла с вилкой в руке и, казалось, что перестала дышать. Потом собралась с мыслями и тихо пояснила:

– Я обещаю, что больше не появлюсь в вашей жизни. Мне скоро придет машина, и я буду ездить на обед домой или в другую столовую.

– Зачем такие жертвы? Теперь уже ничего не изменить. Жена отказывается со мной жить! – укоризненно смотрел на нее Воротнин.

– Я не хотела, – тихо ответила она и медленно положила вилку на стол, – извините.

А сама встала, намереваясь немедленно уйти, чтобы не раздражать водителя своим присутствием.

Олег взял ее за руку, удержал на месте и, глядя в ее печальные глаза, уверенно проговорил:

– Останься, я уйду. Сколько можно убегать и уходить.

А сам медленно выпустил ее руку и вновь сказал:

– Да... и не одна ты в этом виновата. Сам глупость сморозил, когда объявил тебе войну. Что-то... так понесло тогда... Сам не мог понять почему. А ты все язвишь и язвишь.

– Я больше не буду... – выдавила из себя Сапсонова, понимая, как она виновата перед его семейством.

– Детский сад какой-то... – с грустной усмешкой вздохнул мужчина и нехотя встал.

Он взял свой поднос и медленно перешел за другой столик. Там уселся к ней спиной и сразу принялся обедать, проворно работая ложкой.

Марина какое-то время смотрела на него, потом тихонько опустилась на стул, но есть уже расхотела. Она взяла свой компот, сразу выпила его, отставила стакан в сторону и встала. Медленно взяла свою сумочку и, цокая каблучками по плитке, уверенно пошла к выходу.

Олег резко оглянулся, проводил ее до двери пристальным взглядом, потом посмотрел в окно и уже наблюдал за ней через стекло и тюль, что висела на окнах столовой. Он видел, как

прошла его обидчица по дороге и свернула к офису. А он еще долго смотрел в ее сторону и все думал над тем, что тогда произошло. И раз попался, то чего же тут возмущаться? Зачем пристал к женщине, нервы ей потрепал, до слез довел? А она, вместо того чтобы ликовать и радоваться, что победила, сразу бросилась мирить их, и никого-нибудь, а злостного своего обидчика. И ведь победила же! И штраф с него вычли, и премии лишили, а теперь и личная жизнь под откос пошла. А промолчи он тогда, и всего этого можно было избежать. Ну выплатил он этот штраф, ну заработает еще денег, куда он денется. А если и не заработает, то перезаймет. А теперь всем плохо: и ему, и жене, и детям, и Сапсоновой тоже. Он видел ее глаза, они будто потухли, словно из них ушла радость. И не только она так ведет себя при виде его, но и без него девушка ходит грустная и неподдельно переживает и сочувствует всей его семье. Об этом ему поведали его же друзья, и Платонова при встрече тоже вступилась за коллегу по работе. Нина Васильевна рассказала, как сильно страдает Марина за их разлад в семье, так как сама недавно развелась с мужем и знает, что это такое не понаслышке. Она искренне желала им примирения и надеялась, что все у них наладится.

– Олег, – окликнула его бухгалтер, останавливая мужчину по дороге в СМУ.

Тот замедлил ход, шагнул к ней навстречу и тихо поприветствовал:

– Здравствуйте.

А сам остановился и приготовился выслушать, что она ему скажет.

– Здравствуй, – отозвалась Нина Васильевна, внимательно всматриваясь в его глаза. – Я не имею права вмешиваться во все ваши дела, – заговорила она осторожно, – но если ты хочешь, то послушай меня, пожалуйста.

– Да уж... говорите, что там... – махнул рукой Воротнин, понимая, что ничего уже не изменить.

– Ты бы сменил гнев на милость.

– Вы про что? – насторожился водитель и замер, не совсем понимая, про что пойдет речь, но знал и был уверен, что плохого эта умная женщина не посоветует и не скажет.

– Я про Мариночку. Совсем затравили девчонку. Угрожаешь ей, да и дружки твои тоже. Ну, не стыдно вам? На ней лица нет! – выговаривала Платонова. – Она же сама недавно развелась. Все пережила и понимает вас. И не одна она все это начала! – напомнила ему бухгалтер. – Тогда чего ее преследовать? Она и так затюканная своим бывшим мужем, никак отойти от него не может. Поверь, Марина очень переживает из-за того, что случилось и здесь, и в вашей семье. Она даже на обед не ходит со всеми, чтобы тебя не нервировать.

– Я знаю, – тихо отозвался он, погружаясь в свои раздумья.

– Прошу тебя, оставь ее в покое. У нее сын и никого здесь больше нет. Так что, даже заступиться за нее некому.

– А Свиридов?

– Ты про что это?! – вскинула брови Нина Васильевна, с укором глядя на него.

– Мужики болтают, что она... с начальником погуливает...

Платонова усмехнулась и уверенно ответила:

– Нет! Нет! И нет! Геннадий Михайлович всех своих сотрудниц так оберегает. И он очень любит свою жену! И ни за что не стал бы крутить роман на работе, зная, что его тут же сдадут! Он просто вступился за Мариночку и всего-то.

– Она и сама за себя умеет постоять, – тихо проговорил Олег, вспоминая все их стычки и скандалы.

– Молодец! – похвалила женщина сотрудницу. – Что делать, если мужчины так себя ведут? А от тебя я такого не ожидала! – вновь укорила она.

– Да... я и сам не ожидал, – с досадой ответил он, виновато поглядывая куда-то в сторону. – Я думал, она промолчит, а она мне: «Поскользнетесь на мне! Аист по дороге ронял!» –

передразнил он Сапсонову. – Такое зло на нее взяло! Думаю, есть то... А так вызывающе ведет себя.

Нина Васильевна улыbnулась и тихонько предупредила:

– Смотри, а-то потом жалеть будешь!

– Вы про что?

– Мариночка очень честная и одинокая женщина. А еще она умница, красавица и просто очаровашка! Ты в своем гневе хоть разглядел ее?

– Да... нужна она мне, глядеть на нее... – буркнул в ответ водитель.

– Просто я к тому, что такие красивые глаза как у Марины, не должны больше плакать. Хватит, от мужа настрадалась.

– А почему она развелась? – полюбопытствовал Олег и сразу оживился, понимая, что сейчас он узнает о ней всю правду.

– Он пить начал, но это полбеды! Стал он похаживать в казино и в автоматы, в надежде обогатиться. Приходил, вытрясал из нее всю душу, требуя деньги. А если она не давала, то уносил из дома вещи и продавал их. Она боролась с ним как могла, а последний раз чуть не убил ее с Колькой. Она чудом убежала от него. Благо было не так холодно. Так и выбежала на улицу в одном платъице, а сама сынишку прикрывает руками. А тут наша Виктория ехала, увидела ее и сразу остановилась. Поняла, что у девушки проблемы. Так они и познакомились, и Вика стала ее лучшей подружкой. А потом к нам её сюда перевезла, подальше от ее благоверного, чтобы не нашел наверняка. И на работу в СМУ устроила. Поверь мне, они хорошие, только Мариночка по жизни честная. Не любит, когда врут, воруют и предают.

– Борец за справедливость?

– Да не борец, а просто родилась такой. Одному с гуся вода, а другая всё в себя принимает и переваривает, а потом себя же и ненавидит за свои промахи.

– Я все понял, – ответил Воротнин и легонько вздохнул, а перед глазами стояла эта упрямая дамочка с ее вредным характером.

– Прошу тебя, хватит уже войны. Объявите перемирие, пока не наделали новых глупостей.

– Попробую, – пообещал он, понимая, что все вроде бы закончилось, и они даже теперь не встречаются.

– И тем более, что она у всех попросила прощения, и у тебя, и у Нины твоей. Хотя не она должна была извиняться!

– Хорошо, даю слово, что пересмотрю свои взгляды на жизнь, – улыbnулся мужчина. – Нина ушла, а я все думаю: почему все так вышло? Понял, что сам во всем виноват, упрямство взяло верх. Думаю, какая-то смазливая девчонка, а всем мужикам войну объявила!

– Не она объявила, а вы ей! – напомнила Платонова, заступаясь за коллегу по работе. – А она, всего лишь, выполняла свою работу. И очень честно!

– Теперь понимаю, но тогда... Думал, машиной раздавлю. Даже себя боялся.

– Оставь ее, дай девочке нормально жить.

– А я и не мешаю! – развел руками Воротнин.

– Мешаешь, еще как мешаешь! Станет искать бедняжка защиты и попадет в лапы какого-нибудь ухаря. И совсем себе жизнь загубит. Хватит с нее. Я видела, когда она к нам пришла, на ней лица не было. А сейчас успокоилась, расцвела, выпрямилась, такая хорошенькая стала! А в душе у нее столько добра! На всех хватит. Весь мир обогреет. А что вызов ваш приняла – молодец! Вот, молодец! Не испугалась, не прогнулась, не убежала, а встала одна такая хрупкая против вас всех.

– Ага, а за спиной Свиридов стоял.

– А это я тогда сказала ему про случай в столовой, – честно призналась Нина Васильевна, – и лично попросила забрать Марину с растворного узла. Объяснила, что шофера на

нее злы и объявили ей настоящую войну. А он за нее вступился. И правильно сделал! Вас много, а она одна и без защиты. Хоть кто-то, но должен был ее защитить!

– Все ясно, – вздыхая, отозвался Олег.

– Может, вы все же помиритесь с Ниной. Пройдет время, она успокоится и вернется.

– Нет, она и слышать про то не хочет.

– Ну, – развела руками женщина, – тогда желаю тебе встретить хорошую девушку, которая будет любить тебя и твоих детей.

– Спасибо, – ответил он, и грустная улыбка мелькнула на его лице, а сам повернулся и пошел дальше.

Платонова свернула с дороги и заспешила в сторону офиса, не желая опаздывать на работу.

Олег шел и думал над словами этой умной и мудрой женщины. И понимал, что она права во всем. Он давно уже никого не винил во всем случившемся, только остался в душе осадок от всех тех упреков и разговоров. «А вы не поскользнитесь на мне», – вновь вспомнил он слова Марины. «Как жаль, что в магазинах мозги не продаются! Иногда так хочется кому-нибудь их подарить!» «Вот язва!» – подумал он с горечью в душе. Умом понимал, что ничего уже не изменить, и как говорится: «Разбитую чашку не склеишь». И надо было начинать новую жизнь – без жены и без семьи. Но так тоскливо на душе было, так муторно, и не знал он, как жить без них совершенно одному. Последнее время дома было тихо и пусто, и он совсем не хотел туда возвращаться. При удобном случае ехал к родителям и оставался у них с ночевкой. Олег понимал, рано или поздно, но в его жизни появится другая женщина, природа берет свое, и жить один он, конечно же, не станет. Надо только переждать какое-то время, перетерпеть, отстрадать, чтобы все ушло из сердца, из души, из всех уголочков твоего тела и вообще из мыслей. И тогда у него начнется новая жизнь – полная неожиданностей и любви.

Наступило лето. Стояли первые дни июня. Погода была жаркой и солнечной. Марина решила, что сейчас всем будет лучше, если она возьмет отпуск и уедет к родителям. Она хотела пойти на отдых чуть позже – в июле, вот-вот должны пригнать ее машину, и они поехали бы с Колькой к родителям на своем личном авто. Но обстоятельства складывались не лучшим образом, да и на душе было тяжело и беспокойно, а еще одиноко. Вот и решила девушка, что пора ей отдохнуть и отвлечься от всех этих мыслей и переживаний. Она написала заявление и пошла в кабинет Свиридова.

Завидев красивую элегантную сотрудницу, мужчина расплылся в улыбке и восхищенно сказал:

– Маришка, ты такая красавица! Замуж тебе пора.

– Не берет никто, – ответила она и присела перед ним на стул.

А сама протянула ему заявление и стала ждать, когда тот его прочтет.

– И? – серьезно спросил Геннадий Михайлович, бегая глазами по строчкам. – Что опять стряслось?

– Устала, отдохнуть хочу, – тихо призналась Марина.

– По графику, когда у тебя отпуск? – поинтересовался он, отрываясь от заявления.

– В июле.

– А кто у нас еще в июне идет?

– Платонова собирается и Галина Викторовна, – напомнила она.

– И тебе очень надо, да? – задал он очередной вопрос, разглядывая миловидное личико своей сотрудницы.

– Очень!

– Ну, – вздохнул начальник громко, – раз очень надо, то иди. Тем более, что я обещал выполнить любую твою просьбу.

– Так нечестно! – ахнула в ответ Марина. – Отпуск – это по графику! Почти. А уговор – это совсем другое!

– А ты что-то другое хочешь?

– Хочу! – надув свои губки, с надеждой глядела она на Свиридова.

– Проси, – склоняясь вперед, уставился на нее мужчина.

– Поставьте меня в очередь на квартиру.

– И всего-то?! – развел он руками и усмехнулся, понимая, что просьба почти пустяшная.

– Я так, по-скромненькому. Я же понимаю, что не имею на это никакого права. Не заработала еще.

– Ты где у нас живешь?

– Бабушка дом оставила, а сама уехала к дочке жить.

– Ты в нем прописана?

– Нет, – мотнула она головой, – иначе, мне вообще своего жилья не заработать. Там жилплощадь позволяет прописать еще десять человек.

– А чем тебе дом не нравится? Свежий воздух, огородик, цветочки.

– Квартиру хочу. Чтобы спать на десятом этаже и не бояться, что к тебе могут залезть в окно.

– Мужика тебе надо, а не квартиру! – уверенно напомнил ей Свиридов.

– Где же я его возьму сейчас?! – усмехнулась Марина. – Пол СМУ на КамАЗах переехать хотят, а вы говорите – мужика! Только один раз Серегин и предложил подвезти до садика за сыном. Да и то, когда это было.

Геннадий Михайлович резко сменился в лице и строго наказал:

– Так! Этот товарищ тебе – совсем не товарищ! И даже не думай с ним связываться!

– Почему?! – повела бровями девушка, желая узнать подробности из жизни водителя.

– Он мужик ушлый. Жениться вообще не собирается. Загулявший, бабами набалованный, залищенный. Тебе такого точно не надо!

– Я догадалась уже, – улыбалась Сапсонова, понимая, что и сама давно его раскусила.

– Ладно, – согласился Свиридов, стукнув ладошкой по столу, – так и быть, ставлю тебя на очередь на квартиру!

– Обещаете?! – обрадовалась Марина.

– Честное слово даю!

– Спасибочки вам! – радостно похлопала она в ладоши. – Хоть одна хорошая новость за последние дни.

Он взял авторучку, поставил свою резолюцию в углу заявления и протянул его обратно бухгалтеру. А сам тихо пожелал:

– Счастливого отдохнуть.

– Спасибо, – улыбнулась девушка, принимая свое заявление обратно.

– Куда едешь? – поинтересовался начальник.

– К маме, – ответила она и вздохнула с облегчением.

– А на море?! – вопрошал Геннадий Михайлович.

– Море отменяется в этом году, я машину покупаю.

– Молодец! – похвалил он. – И что берешь?

– Мазду. Джип.

– Круто!

– И транспорт свой будет.

– Отдыхай и, как только получишь машину, не забудь меня на ней прокатить.

– Обязательно прокачу! – пообещала Марина и расплылась в довольной улыбке.

– Ну вот, вижу свою прежнюю Маришку! – воскликнул мужчина.

– Спасибо вам за все... – поблагодарила Сапсонова, а на глазах появились слезы. – Побольше бы таких начальников...

– Так! Я женат! – протяжно напомнил он, чем совсем рассмешил свою подчиненную.

Марина тихонько засмеялась, а в это время одинокая скупая слеза скатилась по ее щеке. Она попыталась осторожно стереть ее, чтобы не размазать тушь на ресницах, но вопреки всему, слезы градом покатились с ее глаз.

– Марина Александровна, что не так?

– Да все так... – отозвалась она и, поджав губки, встала, сразу повернулась и заспешила к выходу.

А сзади слышала строгий голос начальника:

– Узнаю будешь плакать – уволю!

Сапсонова ничего не ответила и даже не оглянулась, потому что боялась расплакаться, а только толкнула перед собой дверь, выбежала из кабинета и заспешила по коридору. Она зашла к себе, уселась за стол, уронила голову на руки и заплакала. Кравцовой не было, она отпросилась с обеда, поэтому можно было немного пореветь. Но совсем скоро девушка успокоилась, смахнула свои слезы, достала из сумочки пудреницу и стала пудрить свой красивый носик. В душе понимала, что жизнь продолжается, хотя бьет ключом и всё по голове, но иногда и не так часто. А сама была рада, что встречаются в жизни такие люди как Свиридов – честные, порядочные и справедливые, которые умеют держать свое слово и встать на защиту слабых и обиженных.

Через три дня Марина получила отпускные, спешно собралась и уехала в деревню к родителям. Они с Колькой нагрузили большую сумку с вещами, вызвали такси и поехали на железнодорожную станцию. И уже оттуда электричкой отправились к бабушке и дедушке на вольные хлеба.

Сапсонова была родом из Шаховского района, там она выросла, там же и закончила школу. Она была единственной дочкой в семье. Ее отъезд из отчего дома конечно же огорчил родителей. Но те понимали, что село неперспективное, и работы здесь по специальности не найти. И были рады, что Марина пристроилась у бабушки, и старались помочь ей и Кольке, чем только могли.

Завидев на пороге дочку и внука, Зоя Ивановна ахнула. Женщина всплеснула руками и громко позвала:

– Отец! Иди глянь, кто это к нам приехал! – а сама бросилась обнимать их и целовать.

На шум вышел Александр Николаевич, а увидев дорогих гостей, сразу распростер свои объятия и радостно проговорил:

– А ну, кто меня поцелует?

– Я! – выкрикнул внук и бросился обнимать деда.

Колька забрался к нему на руки, обнял своими ручонками вокруг шеи и стал крепко прижиматься к нему.

– Вот как я тебя люблю, деда Саша! – радовался он такой встрече.

– А я тебя во как! – громко отвечал ему дед, крепко прижимая его к себе.

– Что же не позвонила, что приедете? – стала упрекать её мать. – Отец бы вас встретил на станции.

– Мы такси взяли.

– Ты же в июле обещалась приехать, – напомнила женщина, а сама обнимала любимую дочку, давая понять, как она по ним соскучилась.

– В июле многие идут в отпуска, и мне предложили сейчас, – соврала она. – А я подумала и согласилась.

– И правильно! – проговорила на радостях Зоя Ивановна, приглаживая её по руке. – И нам с отцом повеселее будет.

– Деда, а на рыбалку пойдем с тобой? – спросил его Коля.

– Все пойдем! И мамку возьмем, и бабушку! – с задором отвечал Александр Николаевич.

– Здорово! – радостно выкрикнул паренек и стал с ним играть.

Вскоре все дружно сидели за столом и уплетали жареную картошку с мясом.

Зоя Ивановна поведала, как они тут живут, и что у них нового произошло в деревне. Не забыла рассказать про её подружек, которые остались в селе и после школы никуда не уехали.

Марина всё слушала, а глаза слипались, и так хорошо ей было на душе, так спокойно, словно и не было этих напряженных дней.

Отец предложил отдохнуть с дороги, и она с радостью согласилась.

Мать постелила ей на летней веранде, прикрыла дверь и занялась внуком. Колька радовался, что он вновь у бабушки и дедушки, и заваливал их своими вопросами.

– Баба, а ягоды в лесу есть?

– Есть, – отвечала Зоя Ивановна, – и грибы, и ягоды.

– А когда мы пойдем за ними? – не отставал мальчик, а сам уже возил новую машинку по коленям любимой бабули и ждал, что она ответит.

– Мама проснется, и пойдем.

Он махнул своей ручкой и по-детски наивно поведал ее секреты:

– Да, она долго спать будет! Она устала. У нее там неприятности на работе.

Взрослые переглянулись, помолчали немного, а дед осторожно спросил:

– А какие неприятности?

– Она мне не говорила какие, – сознался Коля, – только сказала, что сама во всем разберется.

– А почему ты думаешь, что неприятности? – пытала внука встревоженная мать.

– Она мне сама говорила. И я видел, как она плакала из-за тех неприятностей.

Александр Николаевич вздохнул тихонько, взглянул на супругу, покачивая головой и давая понять, вот в чём причина их такого внепланового приезда.

– А еще мама поменяла работу. Но ей там не понравилось, и она ушла обратно в бухгалтерию, – вновь поведал им Колька и продолжил возить машинку по дивану.

А сам очень хотел, чтобы деда вступился за маму. Ведь он мужчина, а мужчины всегда встают на защиту женщин, потому что они сильные.

Взрослые вновь переглянулись, но понимали, что ребенок врать не станет, а все поведает как было. Детская душонка чистая и светлая и не привыкла еще хитрить и изворачиваться. Вот и говорит он сейчас не потому, что хотел выдать мамины секреты, а только потому, что все видел и по-детски понимал, что она действительно страдала из-за тех неприятностей на работе.

Марина проспала до позднего вечера, а потом встала, поужинала в одиночку и вновь улеглась на диван. Так хорошо ей было в родном доме, так спокойно, так спалось здесь сладко и беззаботно, что не хотела она просыпаться, а вновь улеглась поудобнее и сразу же уснула.

Родители не стали ее тревожить и будить, забрали внука в дом и уложили его спать с собой.

Наутро Марина проснулась рано. Она открыла глаза, легонько потянулась, отбросив плед в сторону, и сразу опустила ноги на пол. Потом встала и медленно пошла по веранде, разыскивая сразу всех. У выхода остановилась и заглянула в зеркало, что висело тут же на стене. Рассмотрела себя всю и пришла к выводу: «Вот чего мне не хватало – тишины, покоя, отчего дома, а ещё родных и близких мне людей. Теперь будем с Колькой сюда часто приезжать. И на своей собственной машине»!

Она вышла на улицу, на крылечке вновь потянулась, оглядывая весь двор, потом спустилась вниз по ступенькам и подошла к ведру с ключевой водой. Там зачерпнула из него ковшиком, медленно умылась, стянула с веревки полотенце и, на ходу вытираясь, пошла вперед.

Здесь все было родным и знакомым. Все те же пестрые куры и петухи важно расхаживали у дома, и неслоь их голосистое кукареканье далеко по селу. Как всегда, в загоне галдела стая уток и маленьких утят. Тут им соорудили маленький прудик, и они плавали по нему, обучая многочисленное потомство держаться на воде.

За двором гоготали гуси и тоже водили за собой своих гусинят. А желтые комочки пищали и с трудом поспевали за мамой-гусыней, путаясь в траве своими слабыми лапками. Расставив крылья, гусак шипел на все живое, что приближалось к ним, тем самым защищая стаю от опасности.

Тут же была привязана коза Нюрка, а в хлеву на всю улицу визжали свиньи, требуя своего завтрака.

Под окном на лавке важно развалился старый кот и изредка посматривал на всех, приоткрывая свои отяжелевшие веки.

Из-за сарая появилась Зоя Ивановна. Ласково глядя на дочку, она подошла к ней, сразу обняла за плечи и прижала к себе.

– Выспалась? – тихо просила она.

– Так хорошо здесь спится! – протянула Марина, крепче прильнув к её плечу.

– Воздух чистый, дом родной, что может быть лучше? – радовалась её приезду мать.

– Тебе помочь?

– Да нет, дед уже со всем управился и на работу поехал.

– Тогда идем пить чай и поболтаем немного?

– Идем, – согласилась Зоя Ивановна и пропустила её вперед.

Они долго сидели за столом и чаевничали. Мать рассказывала, как они тут живут, что у них в огороде растет и что нового в округе. А Марина слушала ее и мыслями уносилась в свое детство. Она вспомнила, как росла здесь и бегала по этим комнатам, по этой улице. Как гуляла она по вечерам за изгородью, а к ней приезжали мальчишки на мотоциклах, и они допоздна засиживались на лавочке. Как весело ей было в родном доме, и как тосковала она по нем сейчас, когда жила так далеко от своих родителей.

– Дочь, – заговорила Зоя Ивановна осторожно, – у тебя там... все хорошо?

– Да, – кивнула она головой, не желая посвящать родителей в свои проблемы.

– А нам показалось... случилось у тебя что?

– Нет, мам, – успокоила ее Марина, – у меня все хорошо, не волнуйся.

Женщина пристально взглянула в ее глаза и была уверена, что дочка что-то не договаривает, не желая расстраивать их с отцом. Но душу наизнанку не вывернешь и в своих проблемах признаться не заставишь. Живы, и Слава Богу! А работы много, не понравится эта, найдет себе другую. Это только лодыри и тунеядцы не хотят работать, всячески изворачиваясь и находя тысячу причин и отговорок. А их дочь не такая, она честная, трудолюбивая, энергичная и порядочная.

Вечером пришли одноклассницы, с которыми Марина училась и дружила со школы. Девчата собрались на веранде и, сидя за столом, весело вспоминали беззаботное детство и бурную юность. Кто-то из них жил в городе и сейчас приехала в отпуск к родителям, кто-то остался здесь в селе и работал тут же в сельских учреждениях. Но девушки помнили друг друга, созванивались, делились новостями и встречались, если удавалось собраться вот так вместе и в одно время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.